

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

Десантура!

С НЕБА — В БОЙ!

ДесантУРА!

Сергей Зверев
С неба – в бой!

«Научная книга»

2009

Зверев С. И.

С неба – в бой! / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2009 — (ДесантУРА!)

Война, как известно, есть продолжение политики другими средствами. В афганских горах два спецназовца ВДВ, Острый и Скарабей, проводили эту политику так, как умели. Прошли годы. Другая эпоха, другие нравы... И снова десантники оказались с оружием в руках в самом пекле ожесточенного сражения. Только война эта криминальная, в нее втянуто несколько бандитских бригад, убоповцы, коррумпированные менты, а также майор ФСБ, их бывший однополчанин. Для кого-то из бойцов исход битвы станет роковым, другим круто изменит жизнь, вынудит изменить обещаниям, клятвам, привычкам. Но настоящие десантники никогда не забудут свою присягу. Ведь ВДВ – это навсегда!

© Зверев С. И., 2009

© Научная книга, 2009

Содержание

Пролог	5
I	5
II	7
III	10
Часть I	12
I	12
II	13
III	15
IV	19
V	25
VI	28
VII	33
VIII	37
IX	39
X	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Зверев

С неба – в бой!

Все события и действующие лица романа вымышлены автором, любые совпадения следует считать случайными. Никогда не существовали на белом свете и многие упоминаемые в романе географические пункты. Но все это не значит, что нечто подобное не могло происходить на самом деле в каких-нибудь городах и весях планеты Земля.

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут;

Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкапывают и не крадут;

Ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше».

Нагорная проповедь (Матф., VI, 19, 20, 21)

Пролог

1988 г

I

Пара самолетов «Ил-76», описав широкий круг в синем, бесконечно чистом небе, поворачивает обратно в сторону военного аэродрома, оставив после себя россыпь белых куполов, подгоняемых ветром, медленно планирующих на землю.

Спустя несколько минут два подразделения воздушно-десантных войск, участвующих в соревнованиях, ощущают под ногами твердую почву и спешно бросаются складывать и закапывать парашюты.

Второму взводу не повезло. Двух бойцов заносит в грязную топь на берегу небольшого высыхающего озера. Они барахтаются там по пояс в мутной жиже, отчаянно матерятся и с трудом продвигаются к спасительной суше, откуда их торопят товарищи и подоспевший командир взвода – лейтенант.

Зато первый взвод, завершив положенный по всем нормативам прыжок на скошенное жнивье, уже сложил парашюты и дожидается прихода командира. Но он почему-то не торопится. Хотя стоит всего в двухстах метрах восточнее, внимательно осматривая местность, по которой предстоит двигаться отряду.

Командира зовут Ястреб. Такой позывной он сам присвоил себе, в награду за афганские будни. На самом деле он от рождения – Михаил Родных. Десантники его любят. Ястреб никогда не забывал о том, что бойцы его взвода – сильные и свободные люди, лишь на короткий вынужденный срок связанные жесткой армейской дисциплиной. Сюда старались подбирать ребят крепких не только физически. Они и в жизни борцы – ни при каких условиях не должны позволить себе слабину. И командир привык полагаться на свое подразделение, как на самого себя.

Странно, что старшине вообще доверили взвод – как-никак офицерская должность. Так вообще-то случается только на войне. Но командующий дивизией ВДВ всегда лично находил людей для новых вакансий. Ястреба он знал еще с Афгана и очень высоко ценил. Поэтому сделал исключение из правил. И старшина-сверхсрочник принял командование четвертым взво-

дом третьего полка Смоленской дивизии ВДВ. Правда, с приставкой «врио» – временно исполняющий обязанности. Предыдущий «комок», сильно пьющий старлей Коровин, не только покинул командирскую должность, но и вообще ушел из Вооруженных сил. О нем десантники особо не жалели, но и дурным словом не поминали. Так, мол, жил-был добрый пьянчуга. Спился и смылся. Дело житейское...

Замкомвзвода, старший сержант, со смешной, как из детского мультика, фамилией Пуговко, быстрым шагом, почти бегом, приближается к Ястребу. Козырнув, басит, улыбаясь:

– Разрешите обратиться, товарищ старшина?

А улыбается потому, что они с Ястребом давние друзья. Одногодки, вместе служили. Вместе воевали в Афгане. Вместе остались на сверхсрочную. Только Ястреб – не обычный десантник, а спецназовец. У него особая армейская профессия. Да и опыта будет побольше. Поэтому ему и доверили честь командовать взводом.

– Ты видишь вон эти овраги у леса? – Ястреб не принимает шутивого тона товарища. Он сейчас слишком занят вопросом, как быстрее вывести взвод на дальнейшие соревнования. Условия для победы определили заранее: успешное десантирование, стремительная ориентировка на местности, поиск оптимального направления движения, быстрое преодоление препятствий и, наконец, выход к цели, замаскированной базе.

Первый из двух взводов, достигший итоговой точки, становится победителем соревнований. Все шансы у Ястреба. Но для этого предстоит серьезно поработать. Просто так ничего не получится. Хоть в ученье, хоть в бою. Вопреки громкой фразе генералиссимуса Суворова.

– Вижу овраги, товарищ старшина, – с сильным южнорусским «г» говорит Пуговко, по-прежнему улыбаясь. – Идем на них?

– Нет, старший сержант, идем правее метров на сто. У нас пока есть небольшой запас времени, – командир оборачивается к зарослям ивняка, которые обрамляют болотце, где все еще барахтается один из десантников второго взвода. – Поэтому шагом марш! За мной!

Пуговко только успевает махнуть своим бойцам, которые без команды, примерно понимая направление дальнейшего движения, уже бросились следом за старшим сержантом, а командир за это время отрывается от них на добрых двести метров вперед, двигаясь как раз правее отмеченных им оврагов. Фигура старшины в выгоревшем камуфляже скоро становится незаметной на фоне желтого скошенного жнивья.

II

Семен Востряков бежит изо всех сил, стараясь не сбить темп марша. Он привык видеть себя твердым середнячком, который слегка отстает от лидеров, но сильно опережает тех, кто остался в арьергарде. Благо во время соревнований над душой не висит молодой «лейтеха», тупой, как заношенный кирзовый сапог, которого к ним прикрепили пару месяцев назад для обучения. Ясно, что учился как раз «лейтеха» – только что вышедший из училища пацан, самый натуральный «дух». Будь он рядовым, не избежать «товарищеской помощи» в виде внеочередных нарядов и стояния на тумбочке вместо «дедов» в выходные дни. Но офицер есть офицер! Его даже обматерить нельзя. То есть можно, конечно, но лучше не стоит!

Правее оврагов начинается лес – березняк с минимумом подлеска. Бежать по нему пока одно удовольствие. Но что будет дальше, трудно сказать. Если командиры чуть-чуть отклонятся от азимута, весь взвод может залететь в глухой ельник, где видимость такая, что порой в трех метрах ничего не разберешь, а то и вовсе угодишь в болото. Здесь, на Смоленщине, их тьма-тьмушая.

Лучше дышать ровно, спокойно, как стайер на огромной дистанции. Тогда не так ощущается на себе вес этих «долбанных» килограммов – штык-нож, «АКМ», подсумок, две гранаты, плащ-палатка, фляжка, запас продовольствия на двое суток. Да, именно столько запланировано по плану командования. Такой максимум придумал какой-то раздолбай из Генштаба, который дал «добро» на проведение учений.

Востряков давно уже не «дух». Мало того, после учебки успел полгода повоевать в Афгане, где немного понюхал пороха. Восемь месяцев назад их полк сняли с театра боевых действий и перебазировали в глубокие тылы. Зачем? Трудно сказать. У начальства своя картина мира. Что им там приглянулось, какие виды открылись – один бог ведает. Но отраднее, что перебросили подразделение вместе с командиром, старшиной Михаилом Родных, который уже больше года откликается на позывной Ястреб. Настоящий десантник, разведчик, мастер незаметного передвижения по местности, отличный мужик и верный товарищ. Никто и не вспоминает, что Ястреб – сверхсрочник и по праздникам пьет водку с офицерами. Он, что называется, свой в доску. Да к тому же еще и спец высочайшего уровня!

Рядом, сминая фирменными десантными сапогами низкорослые березки, быстро, как тень, мчится Юрий Скоробогатов. Он с Востряковым из одного призыва, вместе с ним был в афганских горах, но, в отличие от многих энтузиастов, которые по молодости полюбили риск и войну, все это в душе как-то возненавидел, хотя трусом никогда не был. Просто парень слеплен из другого теста. Он неприхотлив, не жаден, всегда готов поделиться с товарищем своим пайком, ответственен до крайнего предела, необычайно вынослив, но немногословен, сух, а порой даже угрюм.

У всех бойцов их отделения (а они зовутся отделением специального назначения) есть свои позывные. По сути – клички, возникшие в ходе первого собрания отряда, но от этого не менее цепкие, прилепившиеся к ним, наверное, на всю жизнь. У Вострякова «кликуха» немудрящая – Острый, просто усеченная фамилия. Его так звали еще в школе. А вот Скоробогатову изворотливый командирский ум приклеил нечто совершенно непостижимое, трудно произносимое – Скарабей. Вроде такой был жук, почитавшийся священным у древних египтян. Востряков о нем что-то слышал, ведь недаром после дембеля собирается поступать на исторический факультет. Ему грешно не знать такие вещи. Но интересно, откуда об этом известно Ястребу?

За березняком, прямо по ходу движения, открывается узкая заросшая просека, на краях которой время от времени попадают замшелые, похожие на пни, квартальные столбы со стершимися цифрами на стесанных верхушках, которые здесь, наверное, расставляли еще до «исторического материализма», как выразился бы Остап Бендер. Бежать тут легче, под ногами

нет сучьев (маленькие кусты и деревца не в счет); заросшая травой дорожка как будто идеально приспособлена для занятий кроссом. Правда, лучше это делать в одиночку и не с полной выкладкой...

Еще минут через пять командиры поворачивают направо – группа резко уходит в сторону, спускается по склону вниз. Здесь царствуют огромные столетние сосны, поверхность почвы усыпана толстым слоем иголок. Востряков замечает краем глаза целую семью великолепных масляток, но времени нет даже на то, чтобы их хорошо рассмотреть. Нужно мчаться вперед.

Когда отдых, неизвестно. Востряков начинает чувствовать усталость. Даже его хорошо натренированное тело не способно легко пережить такие нагрузки. Так и хочется остановиться, отдышаться, присесть на траву. Но если зовет труба, тут не до отдыха на краю лесного бора.

Скарабей уже здорово обогнал Семена, мчится метрах в ста пятидесяти впереди. Востряков время от времени может видеть, как мелькает среди стволов его камуфлированный костюм.

Спуск закончен. Они бегут вдоль заросшей лесной речки. Навстречу попался пожилой грибник в пенсионерской шляпе, испуганно метнулся в сторону. Вот еще один встречный – мужчина средних лет в спортивном костюме. Он остановился, стал делать дыхательные упражнения. Одно мгновение Востряков ему завидовал. Но картины быстро сменяют одна другую! Вот они уже на опушке леса. И опять бегут сквозь разреженный березняк. Со стороны ближайшей деревни доносится восхитительный запах печного дыма. Вот бы на несколько минут задержаться у этих низких заборов, выпить молока, поговорить с сельчанами...

Но дальше и дальше мчится взвод старшины Ястреба! Перелесок, заброшенный «большак», на выезде к селу искореженный гусеничными тракторами, еще один перелесок, лужайка с покосившимися сараями – то ли старая смолокурня, то ли бывшая рига. На опушке пасется стреноженный конь, перепрыгивает, звеня колокольчиком. Опять лес. Дорога, идущая неровными зигзагами через сырой осинник.

Маршрут второго взвода известен только старшим офицерам. Они, кстати, притаились где-то рядом, в контрольных точках, засекают время, оценивают боеготовность. Только разве можно точно узнать, где побегут десантники? Командование ведь сделало ставку на инициативность.

Почти два часа непрерывного бега... Сбоку появился еще один соратник – идет почти наравне с Востряковым, но обгонять вроде не собирается. Да и зачем? Здесь же нет победителей в индивидуальном первенстве. Семен пару раз оглядывается, не может сразу сообразить, кого это ему послала судьба. С самого начала за ним ходко бежал Стас из третьего отделения, но потом, видимо, решил экономить силы и отстал. Потом вперед вырвался Скарабей... Странно, почему Ястреб не приказал строиться согласно их отделениям? Решил попробовать наобум? А если несколько «духов» заплутают или «умрут» – лягут где-нибудь в густом перелеске, а потом объявят, что потеряли след?

Перед глазами уже начинают двоиться, троиться предметы. Две сосны проросли третьей, откуда-то сбоку выглядывает целая роща берез – а их всего две. Плохо дело... Нужен отдых. Раз, два, три, четыре. Ровное дыхание, товарищ десантник, заставь мышцы работать в прежнем режиме! Раз, два, три...

Бегущая сбоку фигура неожиданно вырывается вперед, размашистыми скачками несется вперед. Из-за кустов доносится запоздалый окрик, разбавленный расстоянием и темпом движения в несколько запыхавшихся слогов:

– Спец-наз, не от-ста-вай!

Это Ярок из второго отделения. У него странная двойная фамилия – Яров-Полетаев. Прямо как из водевиля. Никаких афганских ветров он не нюхал, был прикомандирован три месяца назад из какой-то глубинной сибирской дивизии. Ходили слухи, что парень – стукачок, поэтому, мол, и вылетел сюда с восточной периферии. Хотя кто его знает. Одно очевидно –

мутный он какой-то. Никогда не узнаешь, что у пацана на уме. Так и остался с первоначальной «кликухой» Ярок, как будто не мог присвоить себе что-то посolidнее. И еще поразил он недавно Вострякова своим признанием: после дембеля собирается поступать в Высшую школу КГБ. Похоже, действительно стукачок. Какой нормальный вэдвэшник свяжет себя с Конторой? Это ведь даже хуже, чем Особый отдел...

Раз, два, три, четыре, пять, вышел Острый погулять. Нет, сегодня он явно не в форме! Уж если Ярок смог его обогнать, о чем еще говорить? Так недолго совсем сойти с дистанции!

Березняк тем временем катится вниз с пригорка: открылись заросли ольхи, небольшая речушка с утлым мостиком, а за ней – опушка, где далеко-далеко, от края и до края – только голое поле, лишь у горизонта перечеркнутое черной линией электрических проводов.

Видно, как первая пятерка останавливается около командира. Бойцы разминаются, делают гимнастику, приводят в норму «дыхалку». Востряков минует полуразвалившиеся мостки, кое-как сотворенные из неошкуренных гниловатых березовых стволов, и, постепенно замедляя темп, присоединяется к «группе лидера». Слава богу, есть время отдохнуть!

III

Вообще-то Ястреб запрещает курить во время рейда. Тем более на соревнованиях. Но Востряков – курильщик заядлый, со стажем. Ему командирские запреты нипочем. Да и не один он такой! Пока старшина с Пуговко обсуждают, склонившись над картой, варианты дальнейшего передвижения, несколько «дедов», отдышавшись, тайком прячутся в густых зарослях и достают сигареты.

– Я думаю, мы впереди минут на двадцать. Как пить дать! – высказывает предположение Ярок, шумно затягиваясь дымом. Он даже курит как-то неопрятно, торопливо, словно опасается, что ему не дадут довести это дело до конца. «Духовские» комплексы? Возможно.

– Кто же разберет, насколько. Бабай их знает, – весело щурится Марат, здоровый кряжистый татарин.

Редкий случай – в качестве позывного ему оставили родное имя. Он отличается каким-то неторопливым оптимизмом. Никто никогда не видел его в состоянии гнева или тоски.

– Мы хорошо идем. Вот только Острый сегодня показал хреноватые результаты, – Ярок продолжает разговор, насмешливо глядя на Вострякова. – Я обогнал его перед спуском. И это называется «отделение специального назначения». Наш доблестный спецназ!

Семен сейчас слишком устал, чтобы отвечать какому-то придурку. Он молчит, беря пример с вечно невозмутимого Скарабея. Хорошая у него кликуха! То, что надо! Юра флегматичен и спокоен в любой ситуации. Скоробогатов действительно напоминает какого-то жука, находящегося в состоянии анабиоза. Но когда будет такая необходимость, то за считанные секунды превратится в грозную машину для выполнения самых крутых боевых задач. Особенно хорошо он стреляет – недаром стал в их специальном отделении снайпером. На его счету несколько убитых душманов, сраженных с очень приличного расстояния.

– А хорошо, мужики, вот так побегать вволю, а потом где-нибудь в стогу сельчанку обработать. Я когда бежал, у деревни такую доярочку видел, пальчики оближешь, – Ярок ложится на землю, подложив под голову руки, и мечтательно смотрит на небеса. Лицо его становится маслянистым, будто он только что навернул целую миску жирных блинов.

– Ничего, скоро обработаешь, – резюмирует радист Иван, которому присвоили совершенно неподходящий к его характеру позывной Тихий. – До дембеля остался месяц с хвостиком. Им служить, – он кивает на толпу «духов», «молодых» и «черпаков», послушно сгрудившихся около командиров, – а нам домой пора, родниковые зори встречать.

– И то правда, – подтверждает Марат, вставая. – По коням, братцы.

– А послушай, Острый, – Ярок никак не может успокоиться, – как тебе перспектива, о которой я говорил?

– Какая перспектива?

– КГБ. Какая еще? Ты пойми, старина, с твоим боевым опытом тебя сразу на оперативную работу поставят. Как пить дать.

– Отвянь, Ярок, – Востряков тушит окурок, по привычке к маскировке глубоко закапывая его под слоем первых палых листьев.

– Ну и зря не хочешь говорить, – Ярок идет следом, не прекращая своей агитации, – я у особиста все недавно выяснил. Это, я тебе скажу, не только карьера. Но вообще золотое дно!

– Иди на ..., – коротко бросает Востряков, приближаясь к командирам. Ястреб уже машет рукой. С минуты на минуту послышится команда Пуговко.

– Дурак ты, Востряков, натуральный дурак, – Яров-Полетаев морщится, точно проглотил половину лимона. – Ты даже не знаешь, что здесь можно нарыть. Я, между прочим, в Москву не стремлюсь. Мне больше по душе родные места. Окончу Высшую школу и вернусь в свой Белецк. Красота. А еще...

– Взвод! По отделениям, за мной! – рявкает Пуговко и устремляется вперед, по краю лесной опушки. Там, вдали, километрах в пяти к северо-востоку, десантников ждет подготовленная командованием засада. Откуда она выползет, не знает во взводе никто. Но то, что придется поработать в «рукопашке», сомнений быть не может. А дальше, на все огромное поле – бывший танковый полигон – простор для витязей из ВДВ. Где-то за линией горизонта скрылся замаскированный штаб – венец их работы, конечная точка маршрута.

– А еще... Послушай, Острый, ты только послушай... Ты не понимаешь перспектив, – Ярок бежит рядом с Востряковым, но, поскольку Семен взял нехилый темп, говорить ему становится все труднее. – Тут можно так себя проявить! Понимаешь, Острый? Зря... Мне же... свои... люди... нужны... Зря!

Ярок еще что-то говорит, но Семен его не слушает. Он бежит все быстрее и быстрее, как спринтер, постоянно увеличивая скорость. Над ним нависает синее небо, по которому катится к горизонту солнечный диск. Спереди, сзади и сбоку летят вперед по травяному полотну человеческие фигурки, стремительные, как реактивные снаряды.

Спустя десять минут они встречают засаду, притаившуюся на опушке леса. Востряков «включается» в бой. Вступив в единоборство с высоким здоровенным морпехом, он краем глаза успевает заметить, как легко побеждает своего противника Скарабей. И что мгновенно, словно гнилое дерево, валится на землю поверженный Ярок...

Часть I Как находят сокровища

I
17 сентября 1943 г

*Командующему
Белецким административным округом
Генерал-лейтенанту Клюге Секретно
Господин Генерал-лейтенант!*

Приказ Рейхсминистра по делам оккупированных восточных областей о срочной эвакуации особо ценных трофейных раритетов приведен в исполнение. Подготовлено к транспортировке 1026 предметов из золота, серебра и драгоценных камней, найденных в кладовых местного музея. Коллекция была изъята у церковных служб до войны большевистскими властями.

*По маршруту Монастырск – Белецк груз будет отправлен завтра под усиленной охраной. Он размещен в 3 металлических ящиках от боекомплектов сухопутных войск вермахта, снабженных традиционной маркировкой. Остальную часть груза составляют стандартно упакованные боеприпасы и продовольствие. Опись перевозимого имущества прилагается.
Военный комендант Монастырска Майор Лейман*

II Пригороды Монастырска 17 сентября 1943 г

Обстрел позиций, которые занимал Особый Казачий батальон, прикрывающий в течение последних суток правый фланг 46-й немецкой пехотной дивизии, к середине дня заметно усилился.

Снаряды врывались в землю всего в двухстах метрах от траншеи, поднимая в воздух фонтаны песка, засыпая искореженную бронетехнику и трупы солдат, в своей защитной форме почти неотличимых от зеленовато-желтой жухлой травы. Прямым попаданием был уничтожен единственный уцелевший миномет. Двое стрелков убиты на месте. Левый край, буквально размазанный по земле, фактически перестал существовать. Общие потери вдоль всей линии обороны оказались столь значительны, что убеждали только в одном – через пару часов здесь начнется паническое отступление. Первые признаки этого уже наблюдались.

Круглов видел, как сорвал с себя знаки отличия Варин, выскочил и пробежал, согнувшись, вниз по склону метров двести, попытался скрыться в прибрежных кустах, но вдруг споткнулся, сраженный автоматной очередью в спину. Это постарался Георг – Георгий Остапчук. Можно сказать, единственный идейный воин во всем батальоне. Он, в отличие от многих других, пришел к немцам по доброй воле, кипящий ненавистью к Советам, отягощенный фанатичным стремлением мстить во что бы то ни стало.

Вообще все бойцы, рассредоточенные по длинной полузасыпанной траншее, в замызганных фронтовых гимнастерках, испачканных глиной и кровью, удерживали сейчас позиции только от безысходности. Они хорошо понимали, что им навстречу, растянувшись на сотни километров, ревуцим потоком льется мощная разъяренная сила, которую уже нельзя остановить. Однако и сзади их поджидала смерть. Снайперам, засевшим на высотах в тылах отступающих войск вермахта, был отдан приказ стрелять на поражение по каждому, кто посмеет повернуть назад...

Но Круглов, почти оглохший от постоянного гула разрывов, еще на что-то надеялся. Он медленно передвигался все дальше и дальше к правому краю траншеи. Благо выглядело это вполне естественно – бойцы падали один за другим, требовалось затыкать «дыры» в обороне. После небольшой передышки именно сюда участились прицельные попадания снарядов.

Незаметно Круглов переместился в угол траншеи, сделал вид, что контужен – опустился на землю, стащил каску, посидел, обхватив голову руками, не двигаясь, несколько минут, повторяя про себя множество раз: «Только не сейчас! Только не сейчас! Не сюда... Прости, спаси...»

Огонь притих, разрывы удалились влево, – привычный фон близкой канонады не так действовал на нервы.

Круглов поднял голову, огляделся. В двух метрах правее лежал с застывшим в страшной гримасе лицом мертвый боец, Мартынов. Круглов забыл его имя. Еще дальше – две засыпанные землей фигуры. Кто это? Отсюда не разобрать. У поворота траншеи шевелился, отряхивая песок, Никитин. Никитин Федя... Хороший мужик, из-под Сальска. Жаль, видимо, действительно контузило – Никитин подвывал, скреб руками край окопа. Автомат валялся внизу, как сломанный меч. Большие вокруг никого...

Круглов оглянулся и резким броском перекинул свое тело наверх. Отполз, замер на минуту. Передвинулся еще на несколько метров, спрятался за кустами, застыл на мгновение. Он опасался, что его вычислят Георг, командир батальона или немецкие снайперы, поэтому пролежал на этом месте довольно долго. Нет, он не побежит по склону у всех на виду, как

глупый Варин! Надо выждать. Если не представится подходящий случай, можно даже досидеть до вечера. В сумерках уйти вниз по реке не составит труда.

Круглов посмотрел на длинную извилистую линию русла. Река Белица текла здесь неровно, изгибами, с трудом прокладывая себе путь через холмы. По обоим берегам – густые заросли ивы. Если пробираться там, то сверху будешь незаметен, почти неразличим с господствующих высот. Правда, ниже по течению, километрах в трех, есть мост. Он, естественно, охраняется. Сейчас там, наверное, идет интенсивное движение. Немцы эвакуируются из Монастырска, безостановочно гонят к западу, в сторону Минска, машины и бронетехнику. Но туда он не пойдет. А двинется к югу, выйдет на рокадную, проложенную вдоль линии фронта дорогу и постарается затеряться в немецких тылах. Другого варианта все равно не придумать...

III

76-й км Смоленской трассы

24 апреля 2004 г

Темно-вишневая «Тойота Королла» плавно притормозила на правой обочине шоссе у километровой отметки. Со стороны водителя открылась дверца, и из машины выбрался высокий сутулый человек лет сорока, одетый в черный свитер и джинсы. В руке он держал кожаный дипломат.

Метрах в двухстах от трассы, на краю проселочной дороги, стоял неприметный, потрепанный жизнью и российскими дорогами бежевый «Москвич-2140» с заляпанными грязью номерами. В автомобиле никого не было. Зеркало заднего вида со стороны водителя было прикрыто куском промасленной ветоши.

Человек с дипломатом в руке спустился с насыпи, быстрым шагом преодолел луговину с сухой прошлогодней травой, открыл дверцу «Москвича», сел за руль, дипломат положил на пассажирское сиденье. Потом закурил и стал ждать, нетерпеливо поглядывая на часы. Так прошло минут десять.

Внезапно задняя дверца тихо приоткрылась, и в салоне незаметно и ловко, без всяких лишних движений, оказался человек. Лицо его скрывал серый спецназовский колпак с прорезями для глаз. Одет он был в защитную ветровку и зеленые армейские брюки, заправленные в невысокие сапоги.

Мужчина за водительским сиденьем хотел повернуться к незнакомцу лицом, но тот коротко и резко бросил:

– Не оборачивайтесь! – Потом добавил, уже спокойным тоном: – И хочу заметить, что времени у меня мало. Базарьте по существу. Предупреждаю: если заказ меня не устроит, я немедленно прекращаю нашу беседу.

Голос у него был низкий и глухой. Создавалось обманчивое впечатление, что собеседник говорит сквозь металлическую трубу.

– Конечно, конечно. – Человек за водительским сиденьем в знак согласия даже поднял обе руки вверх, словно собирался сдаваться. – Я буду краток. Объект вашего заказа – Антон Артурович Каштяну, сорока восьми лет. Местный авторитет. Не в законе, но власть держит крепко. Можно сказать, что по сути – хозяин Монастырска и всего нашего района. Погоняло – Каштан. Очень осторожен. Под стволом имеет около тридцати «быков», разделенных на три бригады. В людных местах – ресторанах, барах, театрах – обычно не появляется. Ездит только на личной машине. Белый «Мерседес-500», номерной знак БК 34561. Насколько я знаю, машина бронирована... Что еще? Сопровождение – два джипа «Чероки», общее число охранников – шесть человек. В самом «мерсе» еще трое личных телохранителей. Начальник охраны – бывший сотрудник спецслужб, дело свое знает классно.

– Маршруты движения?

– Пределы города Каштан обычно не покидает. Надобности особой в этом нет. Разве что летом недели на три съездит отдохнуть за бугор. А так сидит круглый год в нашем убогом райцентре. Два раза в день проезжает от своего особняка на окраине до офиса и обратно. Адрес дома – улица Калинина, шесть. Район так называемой «Турбазы». Адрес офиса – улица Коммунистическая, десять. Офис занимает...

– Достаточно, – сказал киллер, закуривая. – В какое время клиент обычно уезжает из офиса?

– Часов в пять. Но это далеко не всегда. Иногда задерживается на работе до семи-восьми вечера, а порой срывается в середине дня.

– Кто охраняет особняк?
– Постовой мент в будке. Двое сменных охранников у входа. Днем больше никого.
– Кто с ним живет в особняке?
– Да никто. Раз в неделю приходит домработница. Еду привозят из ресторана.
– Другие адреса есть?
– Раньше разъезжал по своим любовницам, у него их в городе почти целый десяток. Но в последнее время, видимо, стал чего-то опасаться. Затихарился... – В голосе человека на водительском сиденье послышалась скрытая ярость. Но он сдержал себя, спокойно продолжил:
– Поэтому теперь баб своих встречает только в особняке.

– Как часто?
– Обычно раз-два в неделю, но иногда даже раз в месяц.
– Около особняка есть ограда?
– Конечно.
– Высокая? Деревья, кусты?
– Металлическая решетка метра два в высоту, за ней – декоративная живая изгородь. Видимость со стороны улицы плохая. Еле-еле просматривается контур здания.

– Напротив особняка есть какие-нибудь строения?
– Есть. Там было несколько панельных трехэтажек, их сейчас сносят, но одно, кажется, еще осталось.

– Понятно, – коротко сказал киллер и замолчал. Затухнул сигарету, пощелкал зажигалкой, зашелестел целлофаном, снова закурил. – Фотографии привезли?

– Конечно, – заказчик поднял с сиденья дипломат, открыл его и передал назад, не оглядываясь, бумажный пакет.

Киллер взял пакет, просмотрел снимки, потом сказал:

– Хорошо. В общем и целом все ясно. Теперь меня интересует следующее. Как мне передали, ваш заказ имеет одну особенность. Вы действительно настаиваете, чтобы ликвидация клиента была совершена нетрадиционным способом? То есть, иными словами, использование стрелкового оружия недопустимо, поскольку смерть клиента должна представлять имитацию ненасильственной гибели? Это правда?

«Как он погибает! Казенные базары, видно, любит. Наверняка бывший спец, мать его за ногу», – подумал заказчик, а вслух сказал:

– Совершенно верно. Нужно сделать так, чтобы опера ничего не смогли нарыть. Подозревать будут все равно, тут уж никуда не денешься, но одно дело – глаза косить, а другое – лепить статью. А то нас всех затакают по мусорням, и не только здесь, но и в Белецке, в тот же УБОП.

– Ваши менты так сильно скуплены, что будут рыть землю из-за какого-то местного авторитета? Я всегда считал, что они, наоборот, заинтересованы в том, чтобы вашего брата стало на земле как можно меньше. Разве нет?

Трудно было понять, говорит этот человек серьезно или шутит.

– Каштан – очень влиятельная фигура в наших краях. Так что...

– Понятно, – прервал киллер. – Короче говоря, зацепок у ваших ментов не будет. Если я берусь за дело, то гарантирую стопроцентный успех. Иначе сам бы долго не прожил, – неожиданно добавил он и слегка рассмеялся.

Смех этот был настолько неприятен и так плохо вязался с характером беседы, что заказчик слегка вздрогнул и беззвучно выругался.

– И еще... Вас, надеюсь, не интересует, каким именно образом, с помощью каких средств и методов будет ликвидирован клиент?

Киллер говорил по-прежнему спокойно и ровно, но в его голосе читалась недвусмысленная угроза. Он как бы предупреждал...

– Нет, – ответил заказчик, всеми силами желая, чтобы беседа скорее закончилась. Он был не робкого десятка, два раза по солидным статьям отсидел в зоне, занимался опасными делами, даже сам неоднократно приложил свою руку к «мокрухе», но этот профессиональный убийца вселял в него какой-то сверхъестественный ужас.

– Ну вот и отлично. Осталось выяснить сущие пустяки. Первое – сроки, когда должен быть выполнен заказ.

– Не позднее середины мая. Лучше всего как-нибудь подгадать к праздникам. И менты, кстати, будут в загуле...

– Хороши у вас менты, – киллер усмехнулся, затушил сигарету и тут же, судя по звукам, закурил новую, уже третью по счету с начала беседы. – Теперь деньги. Мне сообщили, что вы согласны заплатить, учитывая специфику работы, двадцать пять тысяч долларов. Информация правдива?

«Вот урод! – подумал заказчик, тоже вытаскивая сигарету. – Все выяснил. Я же только намекнул посредникам, что могу накинуть десятку сверху. Базарили же о пятнадцати. А он, сука, уже все вынюхал».

– Да, верно, – сказал он вслух, застыв в ожидании ответа.

– Так вот. Я берусь за ваш заказ и гарантирую его выполнение до десятого мая сего года. Но условия мои несколько иные. Тридцать пять тысяч долларов наличными.

– Как? – заказчик дернулся и собрался обернуться, но раньше, чем сообразил, что этого делать нельзя, ему в спину уперся ствол пистолета.

– Не надо резких движений, – спокойно сказал киллер. – Итак, вы согласны?

– Я согласен. Но сейчас...

– Двадцать пять вы платите мне сейчас, десять – по завершении работы.

– Обычно делается наоборот.

– Я делаю так, – громко и четко произнес киллер, сильнее вдавливая ствол в спину сидящего впереди человека. – Итак?

– Я согласен, – тихо ответил заказчик, понимая, что спорить теперь бесполезно. Однако он все-таки позволил себе отвлеченное замечание: – Вообще-то я слышал, что подобная работа даже в столицах стоит дешевле. Где-то около пятнадцати штук «зелени». Но вас рекомендовали серьезные люди, поэтому...

– Поэтому я и беру тридцать пять. – Киллер убрал пистолет и выбросил в окно окурок. – И последний раз напоминаю. Я работаю эксклюзивными методами со стопроцентной гарантией. Вы поняли? Со стопроцентной!

Они помолчали полминуты, потом киллер сказал:

– А теперь давайте задаток.

Заказчик взял дипломат и правой рукой, опять не оборачиваясь, передал его назад. Киллер открыл замки, ознакомился с содержимым, даже изучил подлинность купюр, достав откуда-то из-под сиденья детектор валют. Потом спросил:

– Здесь, как я понимаю, как раз двадцать пять тысяч?

– Да, именно так. Я взял на всякий случай...

– И не ошиблись, – киллер усмехнулся. – Ладно. Верю на слово. Пересчитывать не буду. Итак... Ждите результата. Когда надо, я сам с вами свяжусь и скажу, как передать деньги.

– Можно идти? – заказчик нервничал.

– Минуту. Я думаю, у вас хватило ума не брать с собой диктофон?

– Какой диктофон? Я...

– Я вам верю. Идите. И ждите моего звонка.

Киллер мгновенно покинул салон и исчез в зарослях у проселочной дороги. Заказчик посидел неподвижно пару минут, потом выбрался из машины, изо всей силы захлопнул дверцу.

«Лицо скрывает, прячется в кустах у своей тачки... Игра „Зарница“, черт его побери. И обул меня как липку. Это ж надо – тридцать пять тонн „зеленых“!»

Заказчик медленно поднимался по склону. «Ладно, не раскисай. Только бы он завалил Каштана, а деньги – дело наживное. Итак, двадцать дней...»

IV

Монастырск

25 апреля 2004 г

Монастырск – город древний. Он возник вокруг Свято-Петровского монастыря, основанного еще в 1357 году. Сохранились мощные крепостные стены, надвратная церковь, собор, колокольня, многочисленные часовни, трапезная, жилые постройки. За пределами обители впечатляет дворец губернатора наполеоновских времен, который теперь занимает районная администрация, и допотопное здание пожарной команды, где в последнее время, правда, угнезвился филиал банка «Белвестинвест». На берегу Белицы гордо высится дом писателя Бояринова, мастера провинциального бытописания начала XX века. К сожалению, сейчас уникальный памятник прошлого подвергается реконструкции – его приобрел для своих нужд Антон Артурович Каштяну, один из самых уважаемых людей Монастырска и округа. Как ему это удалось сделать, история умалчивает. Но факт остается фактом – на фасаде здания, рядом с латунной табличкой, повествующей о том, что гостеприимный кров Бояринова посетили в свое время Чехов, Бунин, Горький, Куприн, Цветаева, Шалапин, Комиссаржевская, возникла золоченая вычурная надпись – «Фонд „Экологическая инициатива“». А на мостовых исторического центра города, выложенных булыжником еще в допетровскую эпоху, стал ежедневно появляться белый „Мерседес“ нового владельца в окружении черных джипов охраны.

В общем, есть на что посмотреть в Монастырске. Местные жители, конечно, к этому привыкли. Но приезжим все в диковинку. Поэтому в ясный весенний день здесь везде полно туристов: фотографируют, толкуются у входа в краеведческий музей, покупают сувениры, пытаются войти во дворец губернатора и забраться на пожарную каланчу перед дверями банка «Белвестинвест». Особо любопытные обходят вокруг дома Бояринова, недоумевая, почему мрачный охранник в синей униформе с серебряными нашивками запрещает сниматься на фоне исторических достопримечательностей и не подпускает к памятным латунным табличкам.

Устав от долгих блужданий по городу, экскурсанты направляются в сторону рынка, где можно приобрести продукты и перекусить в одном из многочисленных бистро. Для особо состоятельных – рестораны «Монастырская трапеза» и «Боярское застолье», для туристов среднего достатка – несколько кафе, по периметру окружающих торговую площадь.

Такие дни – удача для продавцов, поставщиков и «кураторов» из криминальных группировок. Деньги крутятся, как белка в колесе. Успевай брать, пока есть где и у кого. Надо лишь знать свое место.

А Леха Рябов его знал. Выдвинулся из рядовых «быков» в бригады именно благодаря умению вовремя просекать ситуацию, отслеживать политику начальства. Их организация во главе с Каштаном прочно держит под своим контролем город и весь район. И только на первый взгляд непосвященного, далекого от настоящей жизни чистоплюя, представляется такая работа грубой и примитивной: «Стриги, мол, купоны с продавцов и держи пистолет заряженным». На самом деле, думал Леха, все построено очень логично и разумно. Не было бы их группировки, появилась бы другая. Какие-нибудь беспредельщики! Как в областном Белецке, где время от времени братва достает стволы. А здесь уж несколько лет – тишина и покой. Главное – не зарываться и не проявлять излишней инициативы. «Все, что не запрещено, то разрешено», но и «не лезь поперек батьки в пекло» – вот те принципы, которыми Леха руководствовался в своей жизни. И, в принципе, не допускал серьезных ошибок.

В этот день Леха, как обычно по воскресеньям, сначала совершил обход торговых рядов. Дело привычное, простое, но необходимое для общего надзора и порядка. Работы настоящей в последнее время нет – их команду в городе уважают. А значит – боятся. Конкуренты исчезли

с поля боя, вымерли как динозавры. Но всякое ведь может случиться. Никогда нельзя давать никаких гарантий. И ослаблять хватку.

Невысокий, широкоплечий, пузатый, с округлым гладким лицом, мягко очерченным снизу короткой лоцманской бородкой, в рубашке, украшенной эмблемой телекомпании CNN, памятном подарке одной столичной журналистки, и легких черных брюках, Леха не выделялся из толпы туристов, степенно передвигаясь по своему традиционному маршруту.

Он посмотрел, как дежурят пацаны из его команды, отругал Тимофея за кратковременную отлучку, рассудил спор за место двух туповатых мужичков из пригородного поселка, поболтал со смазливой продавщицей молочных продуктов, выпил бутылку пива и удалился обедать в «Монастырскую трапезу».

Здесь его и застал растрепанный Витька Ломакин по прозвищу Лом. Чуть не сбив с ног официантку, Лом подбежал к столу и быстро затараторил, глотая слова:

– Леха! Короче! Дело крутое намыливается... У рядов, значит, стою. Тимофей говорит: пацан знакомый звал. Ну Мишка Лысый, ты его вроде знаешь... Тот рукой жает. Типа, новый появился. Подошли к тому. Малец, короче, делового из себя строит. Говорим: что за дела, то да се, торгуешь у нас под боком, почему, типа, мы не в курсах? И вдруг узнаю: тот самый! Пацан два месяца уже лохам заезжим толкает фигню всякую: кресты немецкие, патроны, каски ихние. Кто-то покупает. А мы мимо кассы. Мы его за жабры недавно взяли! И пацаненок нас тогда грузил: денег, говорит, нет, но могу нарыть кучу фашистских автоматов и волын. И нам их, короче, толкнуть. Ну я говорю: типа, давай, выкладывай, обещал вроде, надо глянуть...

– Подожди. Я не понял, – Леха чуть повернулся на стуле, сложил руки на столе. – Ты хочешь сказать, что это было сегодня утром?

– Да. Но ты, Леха, не врubilся. Мы с ним, короче, уж неделю почти как базарили, чтобы он принес это фуфло. Сегодня принес. И вот...

– Не понял. Что он принес? Оружие?

– Да нет. Вообще, говорю... Пацан, короче, копает, ищет там всякое с войны. Да мы же тебе говорили. Забыл, что ли?

Леха вдруг вспомнил, что действительно дней пять назад объявился какой-то мальчишка лет семнадцати из пригородной деревни и сообщил, что может легко нарыть целую кучу всякой военной трухи, благо знает, где искать. Ребята ему строго наказали никому ничего не говорить и явиться сегодня с утра с товаром. Время сейчас уже обеденное, так что пацан, во-первых, повел себя, мягко сказать, необязательно – заставил ждать реальных пацанов, а во-вторых, кажется, собрался прокинуть с товаром.

– Ну хорошо. И что он принес?

– Леха, блин, ты не поверишь. Голдовые вещи, офигенной цены! Рыжье старинное, крутое. Короче, вообще...

Чувствовалось, что Лом никак не может прийти в себя от качества, а точнее, от воображаемой ценности увиденного товара. Леха вдруг ощутил, как и у него радостно и тревожно забилося сердце. Судя по всему, дело серьезное, надо разбираться на месте.

– Вот что, Лом. Тащи-ка его в каморку. Я сейчас и сам туда подгребу.

Каморкой называлось достаточно приличное, весьма обширное и удобное офисное помещение, арендуемое на нижнем этаже гостиницы «Центральная». Формально помещение занимал фонд «Экологическая инициатива», который со дня его основания в 1997 году возглавлял Антон Артурович Каштяну. Впрочем, Антону Артуровичу для отдыха и мудрого руководства хватало других мест, поэтому здесь он почти не появлялся. Каморка являлась штаб-квартирой его центральной бригады, которой с недавнего времени руководил Леха Рябов.

Там наличествовал соответствующий всем современным требованиям набор техники – пара компьютеров с принтерами, сканер, факс, паласы, жалюзи, мягкие кресла и сексапильная

секретарша с внешностью фотомодели и очаровательным голоском, способным свести с ума любого, самого зажавшегося областного или столичного бизнесмена.

Лом бросился исполнять приказание, а Леха с достоинством завершил свою трапезу и вальяжной походкой направился через площадь к зданию гостиницы «Центральная». Вошел в холл твердым шагом хозяина, поздоровался за руку с двумя охранниками, снисходительно кивнул администраторше, рыхлой искусственной блондинке лет пятидесяти, и уверенно прошествовал к металлическим дверям офиса. Набрал код из четырех цифр и медленно вступил внутрь.

– Алена! – позвал Леха, проходя в свой кабинет.

– Да, Алексей Никитич! – Алена появилась перед ним так стремительно и бесшумно, словно действительно уже стала неотъемлемой частью этого офисного великолепия. Она знала, что Леха терпеть не может фамильярности, воображая себя самым настоящим солидным коммерсантом, а вовсе не убогим братком районного масштаба. И старалась потакать ему во всем, исполняя роль преданной наложницы.

– Слушай, где же пацаны? Здесь уже должны быть!

– Витя звонил. Говорит, что там, на площади, какая-то непонятка случилась...

– Какая такая непонятка?

– Не знаю. Сказал, что тот, кого вы ждете, куда-то исчез.

– Как исчез?!

Леха рассердился. Не бригада, а скопище кретинов! Нашли продавца, доложили, а потом взяли и прохлопали его своими длинными ушами! Беда, может, и невелика, но настроение теперь испорчено до вечера.

– Витя сказал, что сообщит, когда все узнает.

Леха гневно сверкнул глазами, повернулся, прошел к глубокому мягкому креслу, завалился в него и коротко приказал:

– Давай, неси мне кофе!

Потом закурил, запрокинул голову, стал рассматривать геометрические узоры на белых подвесных потолках. И все же, что это за рыжье такое? Откуда оно? Леха никогда не слышал, чтобы на полях сражений находили ценности. Оружия, если знать, где искать, сколько хочешь. Правда, в основном насквозь ржавого, к делу непригодного. Ну амуниции нашей и фашистской, крестов всяких, фляжек, пуговиц тоже встречается не так уж мало. Гильз немерено. На боеприпасы даже можно нарваться и взлететь ко всем чертям! Как-то, говорили, под городом, в котловане, рабочие обнаружили склад противопехотных мин...

Все это, в общем, обычно и понятно. И торгуют таким товаром кое-где, в укромных местах. Кому надо, тот купит. Но чтобы найти древние вещички, просто порыться в земле и найти, – такого Лехе слышать еще не приходилось. Пацаны, впрочем, базарили, что в соседней области какие-то мастера копают курганы, и вроде кто-то там даже разбогател, но все это – далеко и неправда. Нет, здесь что-то не так!

Вошла Алена, принесла на подносе дымящуюся чашку кофе, блюдечко с сахаром и лимоном, поставила на стол, аккуратно отодвинув в сторону пачку каких-то рекламных проспектов и пепельницу в виде обнаженной нимфы.

– Садись! – Леха широко махнул рукой, похабно ухмыльнулся.

Алена присела рядом, на мягкий подлокотник кожаного кресла, взмахнула копной пушистых золотых волос. От природы она обыкновенная шатенка, но так красится, что сразу и не определишь. Леха, во всяком случае, ни за что бы не смог. Если бы сам в свое время не заставил ее «сменить окрас».

– А себе чего не принесла?

– Я не хочу.

Она стеснительно опустила глаза, махнула ресницами. Знает, зараза, что именно так хозяину и нужно! Смотрите, мол, на меня, мой господин, я сама покорность.

В это время зазвонил телефон. На проводе был Тимофей.

– Леха! Пацан нашелся. Сейчас к тебе рвем. Жди.

Леха только коротко буркнул:

– Жду. Давно пора.

Они пришли минут через пять. Сначала на пороге кабинета возникла здоровенная фигура Тимофея, следом ввалился взмыленный Витька Лом, таща за руку продавца таинственного золота.

Паренек был невысокого роста, худой, хилый, заторможенный в движениях, одетый в вытертые на коленях древние джинсы и старый пиджак зеленого цвета. Но горели ярким огнем глаза – живые, острые, наблюдательные.

– Что случилось, Лом? – лениво спросил Леха, допивая остатки кофе. Беглеца нашли, поэтому ругать ребят не хотелось.

– Понимаешь, Леха... – Витька Лом замялся, обернулся к Тимофею, злобно посмотрел на паренька. – Этот стервец от нас слинять хотел... У-у, гаденыш... – Лом с размаху отвесил пацану несильную оплеуху.

Парень качнулся, немного сжался, но страха не выказал. Наоборот, злобно, с вызовом, посмотрел на Леху.

– Не трогай его, Лом.

Леха медленно встал, потянулся, тяжелыми шагами подошел к беглецу, положил ему руку на плечо, заглянул в глаза:

– Почему так себя ведешь? Что за дела? Мы же, видишь, солидные люди. Солидная контора у нас. – Леха покрутил головой по сторонам, показывая свое офисное величие. – Мы серьезными делами занимаемся, пацан. Очень серьезными. И дурить себя никому не позволим. Это для всех опасно, а уж тем более для тебя. Понимаешь?

– Понимаю, – просто ответил паренек. Его спокойная уверенность сбивала с толку.

– Как тебя зовут?

– Юра.

– Почему же ты хотел смыться от нас, Юра? Договорился. Пришел торговать, позже, чем надо, кстати... А потом исчез. Люди тебя ждут, дела ради тебя отложили. Что такое?

Юра молчал, смотрел прямо перед собой. Леха стоял рядом, ждал ответа. Лом и Тимофей, усевшись в кресла, потягивали баночное пиво, ухмылялись. Алена задержалась у двери, опираясь согнутой в колене ногой о притолоку, с любопытством наблюдала за допросом.

– Ну! Долго будешь молчать?

– Я человека одного встретил. Не хотел, чтобы он меня здесь увидел. И отошел ненадолго. А он, – Юра кивнул в сторону Лома, – бросился меня искать. Решил, что я слинял. Не врубился в тему...

– Я те щас врублюсь, – пообещал Лом, приподнявшись.

– Сиди! – негромко приказал Леха, обернувшись. Потом опять обратился к Юре: – А что за человек? Мент?

– Нет.

– А кто?

– Это мой учитель.

– Так ты что, еще в школе учишься? Я думал, тебе уже лет двадцать!

Леха часто хвастался умением расположить к себе собеседника. Решил продемонстрировать это и теперь. Но Юру на такие примитивные приемы, видимо, купить было не так просто. Поэтому он ответил монотонными, короткими фразами, словно на уроке:

– Я учусь в одиннадцатом классе. Мне семнадцать лет. А на вид мне и пятнадцати не дают.

– А ты, я смотрю, шустрый.

Леха усмехнулся. Прошелся по комнате, уселся в кресло:

– А чего ты своего учителя испугался? Сегодня же воскресенье. Гуляй – не хочу.

– Он бы сразу допер, что я здесь делаю.

– Почему?

– Потому что знает, чем я торговать могу.

– Откуда знает?

– Он ведь нас сам учил по местам боев ходить, вещи военные искать. Он историк. Краеведческий кружок вел в школе.

Леха помолчал, покрутил в руках зажигалку.

– Ну, ладно, считай, что объяснения твои убедительны. Суд учтет их при вынесении приговора, – гробовым голосом сказал Леха и рассмеялся. Лом и Тимофей поддержали его коротким залпом громкого хохота. Юра улыбнулся кривой и грустной улыбкой.

– Ладно, давай показывай, что у тебя там? И не жмись, мы тебя не съедим. Пиво будешь?

Юра утвердительно кивнул. Леха распорядился:

– Алена, принеси пару банок из холодильника.

Алена принесла, поставила на стол, с интересом взглянула на Юру. Юра открыл банку, осушил ее одним махом, смял жесь, бросил в урну для бумаг. Потом медленно снял с плеч маленький рюкзачок, развязал тесемки, аккуратно выложил прямо на кипу рекламных проспектов полиэтиленовый пакет, развернул его и вынул сверток темной материи.

– Чего ты копаешься? Цепуру сначала предьяви, крест и перстень, что на рынке выкладывал. У тебя же в кармане! – От нетерпения Витька Лом подался вперед, встал рядом, едва удерживаясь, чтобы не вырвать драгоценный сверток из рук паренька.

– Это все мелочи. Потом. Главное – здесь, – спокойно отвечал Юра, раскрывая плотные складки материи.

Все замерли на мгновение, как будто репетировали финальную сцену «Ревизора». И было от чего! Такое сияние драгоценностей Леха Рябов видел только в кино, в далеком детстве, когда смотрел популярный тогда фильм «Золото Маккены»...

На столе в окружении цепей, перстней и крестиков разного размера лежали две золотые чаши, сверкающие инкрустированными драгоценными камнями.

– Мгм, – только и смог произнести Леха.

– Слушай, а это не туфта? – произнес Тимофей, глядя круглыми от удивления глазами. Но ему никто не ответил.

– Где ты это взял? – хрипло спросил Леха. Первый шок прошел, и в его голове, почти бессознательно, включился на полную мощь калькулятор. Забегали цифры, сменяя друг друга, как на дисплее, мгновенно вырастая в своих значениях. Когда сумма достигла астрономических величин, Леха на мгновение зажмурился. Такой фантастической удачи еще, кажется, никогда не было в его жизни!

– Так где ты это взял? – повторил Леха свой вопрос.

– Где взял, больше нет, – спокойно проговорил Юра. Он стоял, сложив руки за спиной, со сдержанной радостью наблюдая за поведением братков. Он как бы хотел сказать: «Ну что, ребята, zenки вылупили? Я же предупреждал – фуфло не ношу».

Леха подвинулся к свертку, взял в руки одну чашу, повертел в руках, покарябал, поставил обратно на стол. Камешки вроде настоящие. Хотя кто его знает? Могут вместо брюликов стекляшки подсунуть. Всякое бывает. Век живи – век учись. Но зато по золоту Леха считал себя спецом. Во всяком случае, турецкое, низкого качества, отличал с первого взгляда. А здесь чувствовался уровень!

– Да, пацан, ты стоящий товар принес, – сказал он солидным тоном опытного покупателя. – Только я тебе уже говорил, что с нами шутить не советую. Говори сразу, сколько за это хочешь?

– За весь пакет – двадцать тысяч. Долларов. Наличными и сразу, – негромко, но уверенно ответил Юра, прямо глядя в глаза Рябову.

Леха плюхнулся в свое кресло, попробовал непринужденно закинуть ногу за ногу, но сообразил, что это сейчас выглядит как-то неестественно, поэтому просто задрал голову на спинку, потер свои широченные ладони. Натянуто улыбнулся, потом сдвинул брови, раздул ноздри и раздельно произнес:

– Ты, пацан, случаем не обкурился спозаранку? А то, я смотрю, видок у тебя неважный. Заруби на носу, чучело, за такие башли я тебе сам три золотые чаши выложу. Просекаешь?

Юра слегка покачал головой из стороны в сторону, потом взял в руки чашу и протянул ее Рябову:

– Посмотри! Это золото. Настоящее червонное золото. Сверху – редкий узор, ниже – инкрустация мелкими изумрудами. За подобные дела иностранцы без проблем отвалят тысяч тридцать. Плюс старинная работа. Семнадцатый век, между прочим, я проверял. Плюс редкая вещь. Одна такая чаша на каком-нибудь аукционе улетела бы со свистом за пятьдесят тысяч. А я предлагаю весь набор! Так что двадцатка – это как раз то, что надо. И вы в выигрыше, и я.

Все молчали, ошеломленные не столько величиной запрашиваемой суммы, сколько той продуманной убежденностью, которая ощущалась в словах этого мальчишки.

Лом осторожно перебирал драгоценности, Тимофей недвижимо застыл сзади, Алена с тревожной улыбкой присела на свободное кресло. Леха вертел в руках чашу, временами исподлобья глядя на дерзкого паренька. Было понятно, что Рябов о чем-то напряженно размышлял, пытался решить важные для себя вопросы. Так прошло несколько минут.

Потом Леха вынул из пачки сигарету, закурил и стал говорить, стряхнув пепел прямо себе под ноги:

– Вот что, пацан... Ты, конечно, прав. Базара нет, товар штучный. Но с ходу такие дела, сам понимаешь, не делаются. Ты к нам пришел, принес вещи, предложил цену. Все как надо. Но, видишь ли, у меня, да и у них, – Леха кивнул на Лома и Тимофея, – таких бабок нет. И быть не может. Это ж надо! Двадцать тонн баксов...

Леха усмехнулся, глубоко затягиваясь сигаретой, и продолжал:

– Потом, пойми, Юра, мы должны все это обмозговать, показать кое-кому, с нужными людьми связаться. Перетереть, короче... Так что товар тебе надо у нас пока оставить. А завтра приходи, будет понятно, что и как. Идет?

– Я вам вещи не оставлю, – тихо, но твердо сказал Юра. – Продавать буду только тогда, когда деньги будут здесь.

Он сделал порывистый жест, собираясь взять в руки чашу. Леха остановил его резким движением:

– Да подожди. Сейчас свяжемся, узнаем обстановку. Не гоношись.

Он потянулся к телефонному аппарату, быстро отщелкал пятизначный номер:

– Алло! Это Леха. Антона Артуровича не позовешь? Перезвонит? Да я здесь, в офисе. Ага. Жду.

Леха положил трубку, подошел к Юре и сказал:

– Мне скоро все сообщат. Тогда и будет понятно. А ты мне пока расскажи, дружище, где ты такую красоту нарыл. Садись и говори обо всем по порядку.

V

Рокадная трасса 18 сентября 1943 г

Круглов нашел дорогу уже в полной темноте. Шел быстрым походным шагом, вслушиваясь, пару раз скрывался на обочине, когда мимо проезжали немецкие автомашины.

Гул канонады стих. В сумерках издали еще доносились отдельные раскаты умолкающего орудийного грома. Но сейчас, ночью, над спящими деревьями и кустами, над этой пустынной дорогой стояла мертвая глухая тишина.

В половине двенадцатого Круглов решил, что пора отдохнуть. Теперь он находился на значительном расстоянии от боевых позиций, поэтому резонно полагал, что опасаться неожиданных встреч с каким-либо дозорным отрядом не было никаких оснований.

Круглов спустился с дороги, пробрался сквозь густой низкорослый осинник, поднялся на невысокую песчаную грядку, присел на землю, опершись спиной о ствол сосны. Прикрыл глаза. И сразу увидел взлетающие фонтаном вверх комья земли, вспышки сигнальных ракет, падающие фигуры людей, прямо на которые надвигались, сминая осыпающиеся брустверы, огромные, грозные и тяжелые танки с красными звездами на башнях...

Он проснулся от холода, вскочил, тревожно озираясь, сразу не сообразив, где находится. Постоял пару минут, потом снова сел на землю. Развязал вещмешок, достал алюминиевую флягу и последнюю пайковую банку тушенки, которую берег как зеницу ока. Теперь пришла пора ее открыть!

Метрах в ста внизу журчала вода – там протекал какой-то ручеек. Круглов спустился по пологому склону, раздвинул ветви, встал сапогами прямо на дно неглубокого русла, умылся, наполнил флягу. Посмотрел на небо. Над верхушками одиночных сосен тьма уже стала менее плотной, очертания деревьев приобретали некоторую четкость. Приближался рассвет.

После завтрака, оттирая пучком травы лезвие штык-ножа, он услышал далекий, еле различимый шум моторов. Постепенно приближаясь, звук заметно усилился. Без особого труда Круглов определил, что по дороге движется несколько автомашин. Скорее всего – армейских грузовиков. Ехали они медленно, осторожно, что было редкостью на этой трассе, которую немцы старались обычно проскочить как можно скорее. Круглов подумал, что иногда с такой скоростью во время операций перемещаются эсэсовские отряды и бригады полевой жандармерии...

Он вскочил, скатился вниз с пригорка, бросился в густые заросли осинника, упал на землю, замер. Руки нащупали приклад автомата.

Через пару минут густые ветви вокруг на мгновение осветили фары первой машины. Метущийся луч скользнул по земле в метре от Круглова и тут же поплыл в сторону. Следом проползли, рыча моторами, еще три автомобиля. Очевидно, в целях маскировки ехали они с выключенными фарами. Замыкали колонну два мотоциклиста. Свет они не гасили, но он был настолько бледный, что походил на мерцание ущербной луны.

Когда звук двигателей стал гаснуть в отдалении, Круглов глубоко, облегченно вздохнул. Полежал несколько минут, не выпуская из рук «шмайсера». Потом встал, отряхнулся, поднялся на пригорок за вещмешком и стал выбирать на дороге.

Сначала он шел медленно, осторожно, явно опасаясь нагнать загадочную колонну. Самое главное – было совершенно непонятно, что это за группа и в каком направлении держит путь. Воинское формирование? Полицейская часть? Разведотряд? Кроме всего прочего, топографию этих мест Круглов знал весьма приблизительно. Шел, как говорится, куда глаза глядят.

Через полчаса неспешной ходьбы, когда уже совсем рассвело, Круглов заставил себя забыть об утреннем происшествии. Тем более что опять возобновилась умолкнувшая на ночь канонада. Была она более громкой, чем накануне, и значительно сдвинулась к западу. Скорее всего, советская артиллерия усиленно уничтожала позиции мотопехотной дивизии вниз по течению Белицы.

Вскоре тишину небес разорвал апокалиптический шум ревущих двигателей военной авиации. К звукам интенсивного залпового огня добавился гул приближающейся эскадрильи тяжелых бомбардировщиков. Судя по всему, сегодня был очередной регулярный рейд в пригороды Белецка. Говорили, что там дислоцировались огромные склады боеприпасов сразу двух армий вермахта. Круглов слышал, что уже несколько суток советские самолеты последовательно поливают огнем эти хранилища. Бомбардировки часто происходили на рассвете, если, как и сегодня, была ясная погода.

Когда удаляющийся рев моторов показал, что эскадрилья вроде бы достигла Белецка, вдруг совсем близко, километрах в двух к юго-западу, как раз в том направлении, в котором двигался Круглов, послышались звуки разрывов авиационных бомб. Один из самолетов поразил какую-то цель здесь, на левобережье Белицы, развернулся в маневре и ушел в сторону Белецка.

Круглов насторожился. Что там, впереди? Может быть, боковой фланг немецких позиций? Какой-нибудь оборонительный объект? И не туда ли с предельной осторожностью недавно проследовала колонна из трех машин под охраной двух мотоциклистов?

Круглов прекрасно понимал, что не может сейчас ответить на эти вопросы. Но по-прежнему продолжал упорно идти вперед, потому что другого пути к спасению все равно не видел. Он даже стал шагать немного быстрее. Нервы его напряглись, движения стали резкими и точными. Вслушиваясь, Круглов был готов в любую минуту перейти на бег и, сорвавшись с колес, уходить вбок, к реке, по лесной чащобе, сквозь густой и темный березняк.

Минут через двадцать скорой ходьбы обстановка вокруг постепенно начала меняться. Дорога, поднимаясь на возвышенность, змеилась неровной линией, забирала вправо и, наконец, после очередного поворота, вывела на широкую полосу полей, открытых до самого русла Белицы, лишь кое-где в низинах поросших куртинами чахлой ольхи.

Оглянувшись, Круглов осторожно вышел на опушку и сразу остановился, замер. Метрах в шестистах впереди горела какая-то военная техника. Черный дым поднимался к небу. Можно было даже разобрать фигурки людей, крутившихся около машин. Человек пять-шесть, не больше. Почему-то сразу он вспомнил про утреннюю колонну и мгновенно сообразил, что именно она стала жертвой недавней атаки советского бомбардировщика...

Круглов тут же, не размышляя, сошел с дороги и ринулся в обход полей по березовому мелколесью. Он почти бежал, наклонив голову, согнувшись, как под обстрелом. Пару раз оступился, задев ногой переплетение выступающих корней.

По дороге теперь двигаться нельзя. Нужно искать новые пути отхода. Но какие? Попытаться вплавь перебраться на правый берег? Ерунда. Это равносильно самоубийству. Немецкие снайперы наверняка держат под прицелом все русло. Уходить, как и вчера, через низкорослую прибрежную чащобу? Это значит – вымотаться до предела. Что же делать?

Неожиданная мысль, на первый взгляд совершенно безумная, заставила его даже остановиться на мгновение. Если колонну охраняют, значит, там везут что-то ценное! А он сейчас имеет существенное преимущество! Нападая неожиданно, из засады, в одиночку, если заранее рассчитать сектор обстрела, появляются немалые шансы на успех. Немцы – как на ладони. В руках – автомат с полным рожком. Две запасные обоймы в вещмешке. Стоит рискнуть, ведь в награду – куча оружия, обмундирование, а возможно, что сейчас особенно ценно, – пайковые продовольственные запасы. Если все получится, уходить дальше в тылы немецких армий

будет значительно легче. Нападение спишут на партизанскую акцию. А может, одна из машин на ходу? Тогда, можно сказать, «дело в шляпе».

Он осмотрелся и, выработав оптимальный план нападения, принял окончательное решение.

Когда выступающий лесной мысок скрыл от него место прицельного попадания авиационной бомбы, Круглов быстро пересек округлую луговину с высокой некошеной травой и узкую полосу низкорослых берез.

Стремительным марш-броском он резко сократил путь и оказался в непосредственной близости от немцев. Раздвинув густые ветви, Круглов смог хорошо разглядеть то, что происходило на обочине дороги.

До дымящихся машин было рукой подать. Справа, свернув с обочины, уткнулся носом в землю первый грузовик. Взрыв разворотил кузов, откуда тянулись к небу узкие языки черного дыма. Но кабина была почти невредима. Около нее копошился солдат в форме транспортных войск, пытаясь, видимо, починить двигатель. Соседней машине повезло значительно меньше – скорее всего, именно туда пришелся центр бомбового удара. От нее остались, как говорится, «рожки да ножки». Еще одна машина оторвалась вперед метров на двести, поэтому совершенно не пострадала. Около ее правого борта суетились пять солдат под руководством офицера. Круглов разглядел какие-то ящики, которые солдаты загружали в кузов. Слышались громкие гортанные команды.

Про мотоциклистов Круглов забыл. Лишь несколько минут спустя он отметил их отсутствие. Точнее, исчез только один мотоцикл, а второй, настигнутый волной бомбового разрыва, превратился в грудку бесформенного железа. Его остатки дымились метрах в пятидесяти от первой машины.

Приготовившись к стрельбе, Круглов лег в высокую траву у корней двух молодых березок. Долго смотрел сквозь прорезь прицела, передвигал ствол, переводя «мушку» с одной фигуры на другую. Водитель и пять солдат с офицером!

Надо постараться положить немцев кучно, одной очередью. Сердце билось сильно, перекачивая кровь. На висках пульсировали жилы. Он прицеливался долго, тщательно, с таким вниманием, которого еще никогда не проявлял на войне...

VI
Левый берег Белицы,
30 километров юго-западнее Монастырска
27 апреля 2004 г
Утро

Труп обнаружили рыбаки. Утром, как обычно на рассвете, выплыли осмотреть верши, стали вытягивать сеть, ощутили необычную тяжесть, остановились на мгновение, не понимая, что произошло, и наконец с большим трудом вытащили облепленное рыской тело. Подняли на лодку, и когда увидели огнестрельную рану в груди, сразу выгребли к берегу и побежали в ближайшую деревню Осиновку звонить участковому.

Опергруппа приехала на удивление быстро. Почти через час. Примчалась из Монастырска, что называется, «на всех парах». Это объяснялось тем, что в последние месяцы работы у районного убойного отдела было маловато. Довольно редкая ситуация для современной жизни...

Возглавляющий опергруппу капитан Анисимов, широкоплечий крепкий мужик средних лет с казачьими усами, первым делом попросил отогнать любопытных, которые даже в такое раннее время не поленились прибежать из деревни. Странного в этом, впрочем, ничего не было, – не каждый же день находят в реке мертвеца. А слухи здесь в любое время суток распространялись со скоростью молнии.

Затем Анисимов дал «зеленый свет» спецам: высокому худощавому судмедэксперту Петру Тимофеевичу в очках с двойными стеклами и подвижному чернявому криминалисту Равилу Маратовичу. Пока они копались вокруг тела, Анисимов поговорил с рыбаками.

Это были обычные местные мужики, давно облюбовавшие тихое место на левом берегу для своих сетей. Регулярно выезжая сюда, они как будто считали, что заслужили негласное право не пускать на «частные воды» чужаков.

За старшего выступал пожилой седовласый Михалыч, который пропитым голосом пытался доказать, что «знает здесь каждую собаку» и «такое наблюдает впервые».

– Какая там глубина? – поинтересовался Анисимов. – Метра два будет?

– Да какие там два, – усмехнувшись, ответил Михалыч. – Все пять, а то и шесть. Там же яма. Рыба ямы любит. Не случайно ведь здесь ставим.

– А не рановато для рыбалки? Теперь, как я понимаю, самый нерест.

Рыбаки замаялись, опустили глаза. Михалыч как-то хитро прищурился:

– Ты нас не лови, как окуня, командир. Мы знаем, кто сейчас в сети идет, а кто нет. Рыба не дура, поди ее просто так поймай.

Они поговорили еще минут пять, но Анисимов понял, что зря затронул тему промысла – мужики замкнулись, отвечали односложно, как на настоящем допросе.

– Ты только в рыбинспекцию не звони. Ладно, капитан? – сказал Михалыч в конце беседы, тревожно глядя на Анисимова.

– Да зачем мне инспекция? Мне надо убийцу найти.

Он улыбнулся, удивляясь наивности местных жителей, до сих пор ровняющих под одну гребенку всех людей в погонах. Но внутренне отругал себя за праздный интерес. Что, по существу, ему за дело? Тоже мне «зеленый патруль»!

В принципе, рыбаки не сообщили почти ничего важного. Сеть ставили метрах в семидесяти от кромки воды, поэтому, по всей видимости, убийцы воспользовались лодкой. Вручную утащить труп так далеко они, конечно, не могли. Кроме всего прочего, на этом отрезке

русло реки расширялось, превышая свою стандартную в нижнем течении семидесятиметровую ширину раза в полтора. А глубина и у берега была порядочной, особенно весной, поэтому нельзя исключить, что преступники приехали на моторке, причем издалека.

Анисимов постоял немного у края низкой песчаной косы, облюбованной местными жителями под дикий пляж, сейчас почти полностью скрытый высокой водой, посмотрел на противоположный крутой обрывистый берег. Там виднелись уродливые бетонные сваи, ошестинившиеся ржавой арматурой, похожей на колосья фантастических растений. Это были остатки опорных конструкций моста через Белицу, который собирался в свое время возвести бывший первый секретарь Белецкого обкома.

План строительства, говорят, утверждался в самой Москве и вообще имел очевидные резоны – ближайший мост находился только около Монастырска, и, если мерить не по дороге, а по извилистому речному руслу, до него получалось никак не меньше пятидесяти километров. К тому же тот мост был узкий, старый и не отвечал современным нагрузкам. А здесь появлялась возможность получить прямой выход на Смоленскую трассу, которая шумела по левому берегу всего в пяти километрах севернее. Это в свою очередь вдохновляло начальство на дальнейшие грандиозные «маниловские» планы. Вроде старой идеи строительства в Монастырске цементного завода.

В конце концов повторилась обычная российская история. Сначала не нашлось денег. А может, их благополучно разворовали. А потом перестал существовать Белецкий обком. Новые власти несколько раз обсуждали проект – уж больно удобно получилось бы на таком строительстве «нагреть руки», – но дело так и не двинулось дальше многообещающих деклараций.

У реки было холодно. Анисимов несколько раз зябко поежился, жалея, что не надел под куртку свитер. Но постоял еще несколько минут, скользя взглядом по циклопическим развалинам среди зарослей ольхи и ивы, очертания которых рисовались еще нечетко из-за утреннего тумана. Почему убийцы не утопили труп у бетонных свай? Там и глубже, и людей на противоположном берегу бывает гораздо меньше. Побоялись, что его зацепит за какой-нибудь ржавый штырь, скрытый водой? Так все равно лучше, чем бросить прямо в рыбацкие сети...

– Петренко! – позвал он коренастого краснолицего опера, который о чем-то разговаривал с рыбаками. – Сходи-ка, друг ситный, к местному населению и спроси, бывают ли они у этих вот бетонных столбов. Может, мальчишки в воду прыгают или с удочками сидят, например? И спроси, не видели ли чего интересного в прошедшие дни. Ну, моторки там проезжали, машины. И все такое прочее... Потом рыбакам скажешь, чтобы протокол подписали и гуляли на все четыре стороны. Усек?

– Усек, – улыбнулся Петренко. – Только я чего-то, Олег, тут здорово не въезжаю. На хрена они его в реку столкнули? Почти как у поэта Пушкина: «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца». Во-первых, груз могли к трупу привязать, а потом...

– Иди, иди, вечером за пивом обсудим.

Петренко обиженно крикнул, но послушно отправился к толпе деревенских жителей, которые упорно не собирались расходиться. Их даже вроде стало немного больше. Любопытство, как известно, не порок.

Анисимов подошел к экспертам, приглушенно обсуждающим какие-то детали. Они склонились над убитым, узкоплечим, чрезвычайно худым мужчиной лет тридцати пяти. Без всякой экспертизы было понятно, что человека перед смертью здорово избили – все его лицо и шею украшали чудовищные багровые кровоподтеки. Одет он был просто, без затей, даже холодновато для нынешней апрельской погоды: в серые брюки и кургузый однобортный пиджак с протертыми локтями. Ботинки, на которых застыла высохшая тина, в одном месте треснули, а подошвы изрядно износились.

– Вообще-то, на бомжа смахивает, – кашлянув, подал голос участковый. Он подкрался сзади настолько неслышно, что Анисимов от неожиданности резко обернулся. Нахмурясь,

посмотрел на милиционера – невысокого, потертого жизнью, с морщинистым желтым лицом и, казалось, навеки застывшим подобострастным выражением в глазах – и почему-то сразу уверился в том, что этот участковый работу свою тихо ненавидит, наверное, с нетерпением дожидаясь недалекой уже пенсии. Он сам походил если не на гражданина без определенного места жительства, то, во всяком случае, на безработного алкоголика. Потрепанный форменный китель не менял общего впечатления.

– Вы, кстати, убитого не узнаете? Может, где видали? Участок-то у вас небольшой, – Анисимов спросил просто так, скорее из вежливости, но участковый весь подобрался, немного наклонился вперед, внимательно, будто впервые, всмотрелся в лицо убитого.

– Да нет. Как будто нет, товарищ капитан. Вы же знаете, сразу, как прибыл, все осмотрел. Документов, записной книжки, бумаг каких-нибудь у него не было. Так что установление личности пока невозможно.

Участковый хотел еще что-то сказать, но тут худошавый судмедэксперт позвал Анисимова:

– Олег Михайлович, подите-ка сюда.

– Ну что там, Петр Тимофеевич?

Судмедэксперт сидел на корточках, наклонясь над телом и не выпуская из пальцев дымящейся папиросы. Он отличался необузданной страстью к курению, опустошая за сутки три-четыре пачки «Беломора». Во время работы же курил просто непрерывно, передвигаясь, как в тумане, в густых облаках едкого дыма.

Когда Анисимов присел рядом, Петр Тимофеевич слегка отодвинулся и правой рукой в резиновой перчатке указал на длинные глубокие кровавые рубцы, косыми линиями пересекающие живот убитого.

– Это что? Ожоги?

– Именно так.

– Вы хотите сказать, что его перед смертью пытали?

– Похоже, что так. Били и жгли. Предположительно, раскаленными стальными прутьями. Вот, взгляните на конфигурацию следов. И еще... Правда, оговорюсь, это пока лишь версия. – Петр Тимофеевич поправил свои двойные очки. – Скорее всего, смерть наступила от болевого шока. Стреляли уже в мертвеца.

– Но зачем?

– Об этом спросите у тех, кто это сделал.

Судмедэксперт встал, разминая затекшие ноги. Анисимов прикрыл полый пиджака страшные рубцы на животе трупа и тоже поднялся.

– Пулю можно извлечь?

– Пули нет. Есть выходное отверстие под правой лопаткой. Предположительно, стреляли из оружия девятого калибра. Но это все догадки. Всякое бывает, знаете. Иногда и семь шестьдесят два оставит такую дыру, что диву даешься...

– А время смерти?

– Учитывая температуру воды и воздуха, – Петр Тимофеевич повел взглядом по сторонам, – могу говорить лишь о крайних временных границах. От шестнадцати часов дня двадцать шестого апреля до трех часов ночи двадцать седьмого апреля.

– То есть, если я вас правильно понял, убийство могло произойти и сегодняшней ночью?

– Вполне, – спокойно ответил судмедэксперт, выбрасывая докуренную папиросу и тут же зажигая новую.

– Еще один вопрос, если позволите. Сколько труп находился на поверхности до того, как его сбросили в воду? Хотя бы приблизительно, Петр Тимофеевич. Это очень важно.

– Да уж понимаю. Но здесь, извините, пока ничего не скажу. Могу лишь допустить...

«Как он достает своей научной фразеологией, – подумал Анисимов, тоже закуривая. – Будто нельзя обходиться без этой вечной неопределенности, тем более для себя он уже все разъяснил».

– ...что не более трех часов.

– А не менее?

– Уж полчаса полежал. Это точно. Ну а все прочее... Сами понимаете, только после вскрытия.

Анисимов кивнул, глубоко затягиваясь, и обратился к криминалисту, которому, по правде говоря, делать сейчас было особенно нечего:

– Равиль, у тебя есть что-нибудь?

Они были ровесники и много лет работали вместе, поэтому, в отличие от чопорного судмедэксперта, Анисимов давно обращался к нему на «ты».

– Есть. Конечно, есть. Прежде всего хочу сказать, что палили почти в упор, метров с двух-трех. Максимум с четырех.

– Согласен, что стреляли уже в мертвеца?

– А отчего нет? Всякое бывает.

– Калибр не установить?

– Ну почему? Мы тут с Петром Тимофеевичем посмотрели, сошлись на девятом.

«Привык ссылаться на старших, всю жизнь за чужими спинами отирается», – вдруг с неожиданной неприязнью подумал Анисимов, но спросил другое:

– Еще что-нибудь нарыл?

– Еще... – Равиль Маратович стянул с рук резиновые перчатки, вытащил из кармана халата пачку «Золотой Явы», прикурил от сигареты капитана. – Есть одна странность. Выстрел произведен под небольшим наклоном. Или с какого-то возвышения или, что менее вероятно, убийца был очень высокого роста. Сразу, конечно, оговорюсь, что речь идет об обычной ситуации, когда убитый находился в вертикальном положении. Если стреляли уже в труп...

Эксперт развел руками, замолчал, глотая табачный дым. Анисимов хотел еще задать один вопрос, но в этот момент появился взбудораженный Петренко, запыхавшийся от быстрой ходьбы.

– Олег! Они здесь видели людей! Вчера тут целый день какие-то братки ошивались, – сообщил он, тяжело дыша.

– Где здесь? – Анисимов нахмурился. Он не любил подобной возбужденной торопливости.

– По берегу. Вон там, у дороги, справа, за пляжем.

– Кто видел?

– Человек шесть показали. Независимо друг от друга говорят одно и то же. Я их в сторону отозвал. Можно поговорить.

– Вот и поговорим, – сказал Анисимов, направляясь к толпе местных жителей.

Сведения, которые он получил через полчаса, когда завершил опрос свидетелей, вкратце сводились к следующему. Вчера, приблизительно с двух часов дня до глубокой темноты, на берегу, примерно в километре от деревни и метрах в трехстах выше по течению от места обнаружения трупа, находилась компания весьма подозрительных граждан вполне бандитского вида: коротко стриженные, по-городскому одетые. Человек шесть-семь, не меньше. Приехали на двух машинах. Марки автомобилей местные жители определить затруднились, но уверенно сказали, что «не наши, иностранные, темного цвета».

По сути дела, ничего необычного. Мало ли сейчас развлекается на природе различных прилпатненных личностей? Странность заключалась в другом: приезжие не выпивали, не слушали музыку, не возились с девками, не устраивали разборок, а методично, шаг за шагом,

обшаривали широкую поляну, примыкающую к реке, каким-то прибором с длинной ручкой, назначение которого для свидетелей осталось непонятным.

– Похоже, это миноискатель, – тихо сказал Петренко, наклонившись к Анисимову.

– Да, похоже. Только зачем им это здесь? Кто тут станет минировать? С какой целью? И, главное, при чем здесь наш утопленник? – Анисимов раскурил уже третью по счету сигарету, мельком подумав, что стал уподобляться «вечному» курильщику Петру Тимофеевичу.

Что-то здесь не вязалось, не состыковывалось. Но и случайным такое совпадение вряд ли могло быть. По опыту работы Анисимов знал, что случайностей в жизни гораздо меньше, чем это обычно представляется. Поэтому он приказал самому молодому оперативнику, двадцатипятилетнему гиганту со смешной фамилией Сухариков:

– Коля, свяжись по радиации со стационарным постом ГАИ, что на повороте к Смоленской трассе, пусть у себя проверят, не фиксировали ли вчера днем или поздним вечером две иномарки темного цвета. – Потом повернулся к Петренко. – А ты давай пробегись по деревенским домам, опроси тех, кто проснулся. Так, для очистки совести. Не все же здесь собрались.

Через пятнадцать минут выяснилось, что нужными сведениями гаишники не располагают. Плохо. Единственная нить, за которую, вероятно, надо было тянуть это дело, похоже, оборвалась. Погибшего пока никто из местных не опознал, однако Анисимов убеждал себя, что убитый – явный горожанин, поэтому здесь его и не могли видеть. Да, хорошая заявка на «глухарь»! Следователь прокуратуры Ващенко не удосужился прибыть на место преступления даже после настойчивых звонков Анисимова. Видимо, Ващенко спокойно готов принять очередной «темняк» со всеми вытекающими...

Опергруппа уже собиралась уезжать, прибывшие санитары грузили носилки с трупом, укрытым белой простыней, в свою машину, а жители начали медленно расходиться по домам, продолжая негромко обсуждать случившееся, когда Петренко приволок откуда-то двух ребятшек лет двенадцати, подвел к Анисимову, а сам встал сбоку. И сказал спокойным тоном, в котором, однако, читалось плохо скрываемое торжество:

– Олег, они говорят, что видели убитого. Несколько дней назад. И даже знают, кто это...

VII

Москва

В это же время

Семен Востряков проснулся от настойчивых телефонных звонков, чертыхаясь, вылез из-под одеяла, схватил трубку. К этому времени терпение абонента, видимо, иссякло, и Востряков услышал только сигнал отбоя. Посидел, зевая, несколько минут, согнувшись, внимательно разглядывая чернильную кляксу на углу старого ковра. Клякса напоминала амебу, которую обычно изображают в учебниках биологии.

Лицеизречение кляксы с утра, когда спал всего несколько часов, да еще с крепкого похмелья, направило мысли Вострякова в область философии. Он подумал, что этому грязному пятну уже почти четверть века, оно несколько не изменилось за весь отчетный период, а самое главное – никто ни разу даже не попытался его уничтожить. «Нет, вру, – поправил он себя, – после того как я здесь разлил чернила, мать заставила меня отмывать ковер стиральным порошком, только без толку».

Когда Востряков умывался, чистил зубы и соскребал свою двухдневную щетину, его философская мысль плавно перешла в сферу обобщений: «Вот так у нас все всегда. Никто без особой надобности пальцем о палец не ударит. А какая сейчас у всех надобность? Ясно какая – побольше денег...»

Мысль о деньгах вдруг неприятно его кольнула – Востряков вспомнил, что вчера оставил в ночных барах около полутора сотен долларов – сумму в масштабах его заработков очень приличную, которую пропить в течение нескольких часов было если не полным кретинизмом, то, во всяком случае, безрассудством и глупостью.

Вчера Востряков отправился отдохнуть на несколько часов и неожиданно застрял чуть ли не на всю ночь. В каком-то «Бравом гусаре» он истратил тридцать долларов только за две рюмки кьянти, в «Зеленом змее» взял бутылку рома за пятьдесят долларов, где-то еще – бутылку виски...

Востряков отчетливо помнил лишь то, что в три часа утра почему-то допивал ее на бульваре в компании двух девиц. Облик их полностью испарился из его памяти. Когда и в каком месте он с ними расстался, тоже теперь было загадкой египетского сфинкса.

Зато отчетливо отпечатался в сознании другой эпизод. Дело было в начале его «ночного турне». В «Бравом гусаре» к столику, где сидел Востряков, «подкатила» восхитительная блондинка в вечернем платье с глубоким декольте:

– Простите, у вас не занято?

– Свободно, свободно, – он с излишней поспешностью отодвинул стул с противоположной стороны столика. – Садитесь, почувствуйте себя как дома.

Девушка не обратила внимания на натужный юмор, спокойно, с достоинством села, эффектным жестом раскрывая складки своего платья, чтобы соседу стали хорошо видны ее длинные стройные ноги. Удивляло почти полное отсутствие косметики на ее чуть вытянутом лице идеальной формы.

– Давайте знакомиться, – сказал Востряков. – Меня зовут Семен.

– Алина. У вас редкое имя. Во всяком случае, могу поспорить, что здесь нет ни одного Семена, кроме вас. Никита есть, Джон есть, даже один Никодим...

– Ваше имя гораздо более редкое. И убежден, что ваши тезки здесь тоже гарантированно отсутствуют, – парировал Востряков, поворачивая голову к официанту. – Будьте добры, кьянти. – А что вы будете пить?

– Какой-нибудь коктейль, – лениво сказала Алина, закуривая.

– Вы, как я понял, здесь часто бываете? – спросил Семен, когда официант ушел за заказом.

– Время от времени. Неплохое заведение.

– Но довольно дорогое. Достаточно сказать, что пятнадцать долларов за рюмку кьянти – хороший барьер для тех, у кого в карманах гуляет ветер.

– И часто он гуляет у вас? – Алина сощурилась, выпуская густые клубы дыма.

– Когда как. Раз в месяц могу себе позволить.

– Все с тобой ясно, – неожиданно выдала Алина. – А прикид классный. Можно обмануться. Чао, малыш.

Девушка резко встала из-за столика и, не дожидаясь своего коктейля, исчезла так же неожиданно, как и появилась.

Грустно в одиночестве потягивая идиотское кьянти, Востряков думал о том, что совершенно не научился разбираться в людях. Поразило тому, что девица была не накрашена, и почему-то решил, что она «благородных кровей». А это всего-навсего проститутка, причем весьма высокого уровня. Видимо, в баре отирается много «денежных мешков». Небось берет по несколько сотен баксов за ночь.

«Прикид классный...» Востряков придирчиво осмотрел свою одежду: новый незатасканный английский костюм, свежая рубашка, итальянские ботинки. Обычный «джентльменский набор» среднего класса. Он усмехнулся: «Значит, мы оба обманулись».

После этого, собственно, и начался загул, результатом которого и стали почти пустые карманы, где теперь всюду гулял ветер...

– Накаркал себе, придурок, – вздыхал Востряков, наливая в кружку крепко заваренный чай, давно известное проверенное средство от похмелья. – Теперь придется срочно куда-то тащиться. К Разуваю с пустыми руками не придешь.

Востряков по профессии был археолог, но уже пару лет с наукой дела не имел, подрабатывая фактически нелегальным бизнесом – раскопками курганов и поселений для продажи ценностей скупщикам археологических предметов. Иногда на душе скребли кошки, особенно когда приходилось бросать неописанный как надо памятник прошлого. Но Семен хотел зарабатывать хорошие деньги. И это перевешивало всё. Заканчивались раздумья и рефлексии, в руках оказывалась лопата, и начиналась увлекательная и в чем-то опасная деятельность так называемого «черного» археолога.

Обычно Востряков выходил на промысел в одиночку, поэтому все найденные ценные вещи присваивал себе, сдавая одному и тому же человеку – своему старому знакомому еще с институтских времен Коле Разуваю. Коля представлял собой уже законченный образец «темного коммерсанта»: скупал античные монеты, ржавые, но вполне сохранные мечи, ножи и кинжалы, обсидиановые и кремневые наконечники стрел и копий, средневековую утварь, украшения. Он не гнушался ничем – любой старинный предмет, если он, конечно, был относительно сохранен, имел вполне определенную рыночную стоимость. Где уж в дальнейшем обустроивал приобретенные ценности Разувай, сказать было сложно. Но круг его клиентуры и связей в области торговли стариной и антиквариатом являлся необычайно широким. Передвигался Коля на собственном черном «БМВ», жил в четырехкомнатной квартире в Замоскворечье, имел дачу в Коктебеле и не менее раза в год выезжал отдыхать за границу.

Заработки «черного» археолога Семена Вострякова выглядели на порядок скромнее. Только однажды, полтора года назад, он сразу получил от Разувая солидную сумму в размере пяти тысяч долларов. И было за что – он притащил целый ворох арабских монет десятого века, золотые украшения сарматского времени и настоящий скифский меч – акинак, правда, поврежденный лопатой одного из помощников.

Востряков бросил тарелку и сковородку, в которой жарил яичницу, в раковину, закурил, лег на диван. С какой-то брезгливой тоской осмотрелся по сторонам. Обстановка его убо-

гой двухкомнатной квартиры навевала страшную тоску. Пристанище безработного холостяка! Когда-то давно эта комната видела прекрасную молодую женщину, которая жила здесь, сидела в мягком халате на диване, готовила обед на кухне. Ее образ стерся, размылся, затерялся среди всей этой шелухи...

Сейчас вокруг – пыльный пол, пожелтевшие обои, которые с трудом маскируют сплошные стеллажи, заставленные книгами и археологическими сувенирами. У окна, прямо на полу, лежат полиэтиленовые мешки, наполненные всяким хламом, который не взял даже Разувай, – осколками керамики, гильзами, кремневыми отщепами.

Вообще-то Востряков собирался ехать на Кубань. Прошлой осенью он там неплохо покопался, благо помогал ему за скромную мзду местный шизофреник из Управления по охране памятников, всерьез убежденный, что именно на Северном Кавказе находится прародина человечества. Подобная идея, по мнению шизофреника, могла быть доказана только дотошными исследованиями, которые при этом под силу лишь представителям неофициальной науки: «мол, в институтах сидят одни негодяи и жулики, и им дела нет до подлинной истории». Востряков, что называется, «попал в струю». Большого труда не стоило убедить борца за «истинную историю», что ему встретился единомышленник, который готов попотеть во славу Кубани. Спустя несколько часов перед Семеном была подробная карта всех местонахождений от «палеолита до Главлита», и он не преминул похвалить бескорыстного адепта «черной» археологии. Стоит воспользоваться его услугами еще раз...

Когда Востряков тщательно изучал железнодорожное расписание, выбирая себе подходящий поезд до Краснодара, зазвонил телефон.

– Ты дома? – донесся издали возбужденный голос Разувая.

– Коля, меня уже нет. Я на пути в Кубань.

– Востряков! Срочное дело! – Разувай тяжело дышал, словно только что пробежал тысячеметровый кросс.

– Какие дела? Хочешь мне в долг дать пару штук? Я не откажусь. А вообще-то, Коля, я пустой, как ведро в засуху...

– Помолчи! Говорю тебе: срочное дело! Понимаешь? Короче, я сейчас у тебя буду. Через полчаса. Не пожалеешь. Озолочу. Жди. Я с Крымского моста сворачиваю.

Гудки отбоя. Востряков сидел с трубкой в руках и ничего не понимал. Разувай так себя еще никогда не вел! Да и дома у Семена был последний раз, наверное, больше десяти лет назад, еще в студенческие годы. Теряясь в догадках, Востряков стал приводить квартиру в порядок: подмел полы, вытер пыль, сложил разбросанные вещи, вымыл посуду. Когда собирался вынести мусор, у самой двери столкнулся с Разуваем.

Коля даже не нашел места для шутки. Красный, взмыленный, он ввалился в квартиру и сразу побежал в комнату, не снимая обуви и не спрашивая разрешения.

– Что за фигня в конце концов? – Востряков поставил ведро посередине коридора, раздраженно захлопнул дверь.

– Слушай сюда, – Разувай утонул в глубоком кресле, расстегнул пиджак, который с трудом облегал его тучное квадратное туловище. – Дело очень спешное.

– Это я уже слышал, – Востряков сел напротив на скрипучий старинный стул с покосившимися ножками. – Раз спешное, так поторопись.

– Короче, я попал. Выручай, – Разувай снял очки. Протер их толстыми пальцами, водрузил обратно на нос. – Есть один очень крутой дядя. Считаю, что авторитет. Свою бандитскую бригаду имеет. Держит всю скупку. Крепко держит...

Разувай сжал кулаки, показывая силу авторитета. Потом вытащил из кармана старинный серебряный портсигар, закурил сигарету.

– Ну не всю, конечно... Но сил у него немерено. Так вот. Я с ним напрямую дел не имел. Сам понимаешь! Ну а тут вчера ночью, представь, в два ночи, он вдруг мне звонит. Здравствуй,

так, мол, и так, Коля, с тобой говорит Алексей Тушинцев. Так и сказал... Хотя и погнало у него имеется – Антиквар! Мог сказать, я бы сразу допер. А то какой-то Тушинцев! Ну я соответственно и говорю: что, Тушинцев, мать твою, еще попозже не мог позвонить? Он тут мне и раскрывает карты! Меня аж дернуло! Извините, говорю! Ну это все лирика... Главное в другом – ему срочно нужен копальщик. Причем профи. А суть вся в том, что, если я его сегодня же не найду, мне наступает полнейший абзац! Во-первых, на меня менты заводят одно дело по продаже картины. Ну, это неважно... А во-вторых, его ребята конфискуют, конкретно, ты понимаешь, конфискуют мои товары. Я сейчас очень много раскинул, решил закрома очистить. А у них все выходы есть. Мне и пикнуть не дадут! Так что помогай.

– Подожди, – Востряков поднялся, взял сигареты, тоже закурил. – Я что-то не пойму. Ты хочешь сказать, что бандитскому авторитету понадобился археолог? Так?

– Именно так. Не обычный бугровщик, а профи. А у меня, кроме тебя, других кандидатов нет!

– Но зачем? Это какая-то херня.

– Послушай, Сема, – Разувай наклонился вперед, округлив глаза, – ты себе даже не представляешь, на что способны эти люди! Если они что-то говорят, у них лучше не спрашивать подробностей. Меньше знаешь, крепче спишь.

– И куда профи должен ехать? В особняке этого Тушинцева ковыряться?

– Нет, тут все просто. Белецкая область, город Монастырск. Ты ведь, кстати, где-то там служил? Сам же рассказывал.

– А при чем здесь...?

– Я тебе еще раз повторяю: спрашивать у них не принято. Сказали – надо, значит – надо. Выручай, а? Семка, я тебя очень прошу! Ну хочешь, я тебе еще от себя пару штук дам?

Разувай судорожно вытащил из внутреннего кармана портмоне, раскрыл его, достал пачку долларов.

– Что означает – еще от себя? Бандиты платят хорошие деньги?

Разувай вдруг рассмеялся хриплым нервным смехом:

– Смешной ты, Востряков! Конечно. Условия простые: две недели работы, оплата – десять тысяч долларов. Если сделаешь все, как надо, получишь еще столько же...

– Или пулю в висок?

– Нет, нет! – Разувай замахал руками. – В этом смысле не менжуйся. Они слово держат. И запомни: специалистов бандиты просто так не мочат... Ну как? Согласен?

Востряков посмотрел на свои самодельные полки, пожелтевшие обои, чернильное пятно на ковре:

– Слушай, а это ты мне с утра трезвонил?

– Не только с утра. Всю ночь! Ты уж меня извини, старина, но больше не к кому обратиться, поверь! И потом... Тебе же деньги нужны? Сам же говорил...

– Нужны, – задумчиво проговорил Востряков. – Когда ехать?

– Сегодня. В ночь. Там тебя встретят.

Закрыв дверь за Разуваем, Востряков посмотрел на себя в зеркало и сказал:

– Может быть, теперь ветер обойдет стороной карманы этого человека? Что скажешь, спецназ?

Из зеркала на Вострякова тяжело смотрел хмурый усталый человек средних лет. Какой это десантник? Пьяница специального назначения!

Да, жизнь есть борьба!

Семен грустно усмехнулся и пошел собирать вещи.

VIII

Левый берег Белицы, 30 километров юго-западнее Монастырска 18 сентября 1943 г

Резкий звук автоматной очереди прозвучал громом. Круглов увидел, как упали три солдата, еще один метнулся в сторону, офицер отскочил за борт грузовика. Переместившись влево, Круглов рывком поднялся, пробежал зигзагами короткую дистанцию, продолжая стрелять уже вслепую. Он создавал иллюзию партизанской атаки – немцы должны были поверить, что им противостоят по крайней мере двое бойцов. Опустошив один неполный рожок, Круглов прыгнул в высокую траву, откатился на несколько метров, молниеносно вставил новый магазин.

Следующей очередью он свалил офицера. Это было несложно – тот двигался неумело, дилетантски, что выдавало в нем человека, незнакомого с условиями передовой. Сначала бросился за кузов ближайшего грузовика, затем почему-то выскочил на незащищенное пространство, суетливо размахивая руками, попытался сделать выстрел из пистолета, но рухнул вниз, сраженный прямым попаданием в голову.

Два солдата залегли в канаве у колес первой машины, отвечая короткими очередями. Водитель, стоявший у разбитой машины, скрылся на другой стороне дороги. Круглов решил, что тот не опасен, и подумал, что пока на него можно не обращать внимания. Он бросился вперед по классической схеме атаки, упал после короткой перебежки, выплюнул из своего автомата заряд свинца. До разбитой машины оставалось метров семьдесят.

Круглов успел выстрелить еще раз, ощутил, как косая очередь одного из солдат прошла прямо над его головой, изо всех сил рванулся к дороге. Прыгнул в кювет, перекатился, занимая новую огневую позицию.

Солдаты палили, не переставая. Видимо, как догадался в конце концов Круглов, боеприпасы были у них прямо под рукой. Может быть, в тех ящиках, которые они выгружали из грузовика?

Круглов заменил последний рожок, метнулся к колесам ближайшей машины, обежал кузов и, прицелившись, выпустил короткую очередь по огненным точкам у первой машины. Один из двух немецких стрелков умолк. На бегу боковым зрением Круглов смог зафиксировать, что шофер с другой стороны дороги наконец начал беспорядочную стрельбу из винтовки. «Долго же ты собирался, идиот!» – подумал Круглов, посылая очередь в его сторону.

В этот момент солдат у первой машины не выдержал. Он вскочил и открыл огонь, держа автомат у пояса. Но Круглов его опередил. Солдат рухнул как подкошенный. Шофер же, видя, что остался в одиночестве, дрогнул и «сломался». Он отбросил в сторону винтовку и робко выглянул из укрытия, подняв руки.

– Дурак! – громко сказал Круглов, посылая в его сторону последний патрон.

На мгновение настала тишина, постепенно наполняясь звуками далекой орудийной канонады. Круглов присел на землю, вытирая пот со лба. Он был весь мокрый, как из бани. Никогда еще за два года войны, сначала против немцев, потом, после плена и вербовки, наоборот, на их стороне, не приходилось ему воевать в одиночку. Тяжело ощущать отсутствие рядом соратников, трудно рассчитывать только на свои силы...

Круглов вслушался, отметил едва заметное движение сбоку от себя. Он мгновенно вскочил, осмотрелся.

А ведь офицер был жив! Молниеносно сообразив, откуда исходит опасность, Круглов оторвался в сторону от борта машины и, не раздумывая, спрыгнул в кювет. И недаром – шелк-

нул сухой пистолетный выстрел, в полуметре от его головы просвистела пуля. Засекая местонахождение противника, Круглов автоматически нажал на курок. Выстрела не последовало. Как же он забыл? Все! Патроны кончились.

Но офицер, видимо, тоже израсходовал всю обойму. Когда Круглов выскочил из-за кабины первой машины, рассчитывая на внезапность атаки, то увидел картину приближающейся агонии. Офицер еще был жив, но уже не имел сил подняться с земли. Из раны на голове сочилась кровь.

– Nicht shissen, nicht shissen, – лопотал офицер, с ужасом наблюдая за Кругловым.

Он попытался поднять руки, этот лысоватый полный человек лет сорока, с лейтенантскими погонами сухопутных войск вермахта. Стрелять он уже не мог – в пистолете кончились патроны.

– Shissen! – передразнил его Круглов и, подняв винтовку одного из солдат, выстрелил в офицера, почти не целясь.

IX
Село Васильевские Дворы
8 км южнее Монастырска
27 апреля 2004 г
День

Школа, расположенная на высоком холме, круто обрывающемся в сторону Белицы, являла собой образец невзрачной типовой планировки провинциальных образовательных учреждений. Четырехэтажный корпус сильно обветшал от времени. Кирпичи кое-где вывалились, штукатурка со стен местами обсыпалась, асфальтовая площадка перед входом покрылась трещинами, даже стальная перекладина турника на краю маленького стадиона была выгнута посередине.

Анисимов оставил машину у ограды, перед густыми зарослями бузины и сирени, строго наказав водителю никуда не отлучаться, и по узенькой дорожке, выложенной неровными бетонными плитами, быстро пошел по школьному двору.

Было около часа дня. Входя в здание, капитан с радостью подумал, что приехал вовремя – попал как раз в самый разгар занятий. В широких коридорах первого этажа, покрытых вздувшимся линолеумом, ему не встретилось ни души, лишь вдалеке мелькнула одинокая фигура уборщицы с ведром и шваброй в руках. Поражало отсутствие охранника или хотя бы вахтера. «Странные люди – всё нараспашку, как двадцать лет назад», – подумал Анисимов, останавливаясь перед директорским кабинетом.

Вежливо постучав в дверь, он заглянул внутрь:

– Можно?

Миловидная женщина средних лет поднялась ему навстречу из-за стола, заваленного ворохом каких-то бумаг, сделала шаг вперед, смотря на капитана большими удивленными глазами:

– Я вас слушаю.

– Прошу прощения, вы директор школы?

– Да, я. А вы, извините?

– Капитан Анисимов, уголовный розыск.

Директриса тревожно замерла на мгновение, потом совершенно неожиданно улыбнулась, облегченно вздохнула, взмахнув руками, будто сбрасывая с себя некую тяжесть, и быстро заговорила:

– Слава богу, наконец-то... Вы его привезли с собой? Мы уж, честно сказать, чего только не передумали. Родителей у него нет, воспитывает дядя, пьющий, конечно, но в меру, не то что некоторые... Но все же за ребенком приглядеть не может. Юра учится неровно, то очень хорошо, а то просто безобразно. А сейчас? Вы представить себе не можете! Выпускной класс, а у него куча «хвостов». Алгебра, химия, физика... Зато история! Он же знает ее прекрасно, ходит в кружок. У нас в школе есть военно-исторический кружок. Кстати сказать, лучший в районе. Ну, ладно... Главное, что он нашелся! Он ведь не успел ничего натворить? Я имею в виду, ничего серьезного? Сбежал и всё? Кстати, где вы его поймали?

Анисимова трудно было сбить с толку. Как правило, он всегда знал, как нужно себя вести в той или иной ситуации. Особенно это касалось разговоров со свидетелями, с которыми следовало быть подчеркнуто доброжелательным. Но сейчас он растерялся, совершенно ничего не понимая. Поэтому стоял молча, в величайшем изумлении наблюдая за директрисой.

– Да вы садитесь, садитесь. Вот стул. Сейчас сделаем чаю. Как вас зовут? – Она произносила слова со страшной скоростью, точно боялась, что ее прервут на половине фразы.

– Олег... Олег Михайлович. А вас?

– Елизавета Алексеевна. Будьте добры, расскажите про Юру. Мне нужно знать. Знать, что сказать учителям. Родителям других детей, детям. У Юры очень много друзей. Вы не поверите... И все страшно волнуются. Сейчас мы позовем Александру Тихоновну, это их классный руководитель, ей лучше встретить Юру. А то тут еще, представляете, наш руководитель кружка, куда ходил Юра, второй день пропускает занятия. Валентин Владимирович, наш учитель истории... Он, может быть, лучше всех знает Юру, должен был сказать, куда направить поиски...

При последних словах директрисы Анисимов слегка вздрогнул и нахмурился. Всё вставало на свои места, только, кажется, дело еще больше усложнялось. Своим опытным оперским чутьем он мгновенно определил, что копать придется серьезно. Поэтому решил не проводить «разведку боем», а сразу открыть все карты, что, возможно, и было жестоко по отношению к этой симпатичной женщине.

– Елизавета Алексеевна, дело в том, что я сюда не по поводу Юры, – мягко сказал капитан. – Я приехал... Приехал, чтобы расспросить вас о вашем учителе, Валентине Владимировиче Торопове...

Директриса застыла с пустым чайником в руке. Она вся напряглась, безошибочно определив, что сейчас услышит нечто страшное.

– Дело в том, что я должен сообщить вам тяжелую новость. – Анисимов вздохнул, потянулся за сигаретами, но быстро сообразил, что курить здесь, скорей всего, нельзя. – Сегодня утром он был найден убитым. В реке, около деревни Осиновка.

Анисимов помолчал, соблюдая необходимые приличия, потом сказал:

– Елизавета Алексеевна, примите мои соболезнования. Мне очень неудобно, но не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

В глазах директрисы стояли слезы. Она кивнула, не разжимая губ. И опустилась в кресло, машинально поставив чайник на колени.

– Скажите, пожалуйста, когда вы последний раз видели Валентина Владимировича?

– В пятницу. В пятницу днем. – Она говорила через силу, усилием воли сдерживая рыдания.

– Где это было?

– Здесь. В школе. Он обещал, что в понедельник зайдет ко мне обсудить летние планы...

Голос ее задрожал, она замолчала.

– Планы?

– Да. Он должен был в июне собирать детей из кружка, вести их в поход по местам боев.

– Он проживает... проживал в Васильевских Дворах?

– Да.

Анисимов достал из кармана блокнот, открыл страницу, прочитал:

– Первомайская, 24. Правильно?

Елизавета Алексеевна кивнула.

– У него была семья?

– Он так и не женился. А родители умерли несколько лет назад.

– Ясно. Близкие друзья?

– Он всегда был очень замкнутым человеком. Общался, насколько я знаю, только с Виктором Яновичем, учителем математики. Еще, кажется, с соседями... Больше не знаю.

– Простите, что спрашиваю, но это необходимо... Личная жизнь? Подруги?

– Ничего не знаю точно. Одно время вроде у него была невеста.

– Местная?

- Нет, из Монастырска. Сотрудница музея. Как зовут, не знаю.
- Они давно перестали встречаться?
- Он мне об этом не докладывал.

Елизавета Алексеевна произнесла эти слова неожиданно резко, даже зло, уже совершенно не владея собой. Потом сильным движением головы откинула волосы назад, посмотрела куда-то вверх. Анисимов понял, что перешел невидимую грань и случайно вторгся в запретную зону. Поэтому замолчал, повел взглядом по сторонам, выискивая в обстановке кабинета подтверждение своей догадки. И вдруг увидел на полке, за стеклом книжного шкафа, искусно выполненный шарж, в котором угадывался облик учителя истории. Крупными буквами сбоку было написано: «Дорогой Елизавете Алексеевне в день рождения от автора. Сим победиши».

Анисимов выдержал паузу, потом спросил:

- А школьные товарищи, однокурсники? С ними он поддерживал отношения?

– Не знаю. Впрочем... Кажется, в Белецке, когда там бывал, останавливался у своего старинного приятеля... Не помню точно. Кажется, его зовут Петр... Фамилия у него еще какая-то странная, двойная. Он мне что-то говорил. Вроде Ерова-Польгина, что ли, не помню...

- Валентин Владимирович часто выезжал в город? В Монастырск? Белецк?

– Да нет. Хотя прошлой зимой много работал в области, в архиве и библиотеках.

- В архиве?

– Да. Он писал исследование о боях в наших местах в Великую Отечественную. Собирался это напечатать. Между прочим, хотел включить в книгу несколько детских работ. Вполне профессиональных, скажу откровенно.

– Понятно. Теперь еще один вопрос. Чем именно занимались дети во время походов? Выявляли воинские захоронения? Или собирали гильзы, ржавое оружие? Копали землянки?

– Всего понемногу. Но по большей части – пополняли школьный музей. У них там соревнования даже были. Кто больше откопает...

Она улыбалась сквозь слезы и так выглядела еще более привлекательной. «Наверное, в нее тайно влюблены некоторые старшеклассники», – вдруг не к месту подумал Анисимов.

- А Юра? Как его фамилия, кстати?

– Юра Беспалко.

- Он ездил с Валентином Владимировичем во все походы?

– Больше всех. Фактически Юра – его помощник. Прекрасно разбирается в военной истории, топографии, археологии, нумизматике. И так далее...

- И вы говорите, он исчез?

– Да. Вчера не был на уроках. И сегодня. Но главное – его уже два дня нет дома. Дядя говорит, что сорвался в воскресенье ни свет ни заря. Ребята тоже ничего не знают.

– А когда вы видели его в последний раз? – неуклюже выразился Анисимов, тут же внутренне отругав себя последними словами.

– Тоже в пятницу, – ответила Елизавета Алексеевна и, не в силах больше сдерживаться, громко зарыдала, так и не выпуская из рук пустой и ненужный теперь чайник.

В этот момент, будто подхватывая инициативу, громкой тревожной трелью залился длинный школьный звонок.

X

Монастырск 28 апреля 2004 г Раннее утро

Поезд несколько раз дернулся, как будто споткнулся, и резко остановился. Заспанная проводница пробежалась по вагону:

– Монастырск! Монастырск! Стоянка – пять минут! Монастырск! Кто выходит?

Востряков, навесив на плечи вместительный рюкзак, протиснулся в тамбур и осторожно спустился на низкий перрон. Здесь больше никто не последовал его примеру. Только где-то вдали, у самого локомотива, на свежий воздух выбрались покурить две одинокие фигуры.

Около шести часов. Едва рассвело...

Поеживаясь от утреннего холода, Востряков огляделся. Платформа была совершенно пустынной. Лишь метров через двести, у бежевого облупленного здания вокзала, вырисовывались какие-то тени, почти призрачные в туманной дымке зарождающегося дня.

– К платформе номер один прибыл скорый поезд Москва – Белецк, – глухо оповестил неведомо кого сонный женский голос с легким южным «прононсом».

Никто не откликнулся на это объявление. Влажная от росы серая асфальтовая полоса, усеянная окурками и покрытая темными масляными пятнами, так и осталась безжизненной, как песчаный пляж на необитаемом острове.

Вострякова никто не встречал.

– Мужчина, не дадите прикурить? – пошатываясь, из вагона выплыло растрепанное создание в спортивном трико и мятой футболке.

Востряков обернулся, полез во внутренний карман. Девушка подошла, нетвердо передвигаясь по перрону в чудовищных разъезжающихся тапках, долго и старательно пыталась попасть сигаретой в колеблющийся огонек зажигалки, наконец глубоко затянулась, кивнула:

– Спасибо...

Подняла голову, уставилась в лицо Семена:

– А ты ничего... Как зовут?

От нее пахло водкой и луком.

– Иди, дорогая. А то на поезд опоздаешь.

Девушка хрипло засмеялась, отрицательно покачала головой:

– А мне не надо ехать. Я... уже дома...

– Как дома? А вещи?

– А зачем мне вещи? – Девушка развела руками, пьяным жестом, как черепаха, втянув голову в плечи. – Я на один день ездила. К другу. В Москву. Ты из Москвы?

– Из Москвы, – Востряков оглядывался, соображая, как избавиться от этой непрошеной собеседницы.

– Чем торгуешь?

– Я ничего не продаю, – Семен сделал шаг в сторону, собираясь двигаться к зданию вокзала.

– Не обманывай Зою! – вдруг громко произнесла девушка, хватая его за рукав.

– Какую еще Зою? – грубо ответил Востряков, отстраняясь.

– Меня. Меня зовут Зоя, – доверительно сообщила девушка и постучала по карману рюкзака. – А здесь-то что? Разве не товар?

– Нет. Не товар.

– Может, пойдём ко мне? – Зоя крепко держалась за рюкзак. – Ты не смотри, что я выпивши. Всё будет классно. Удовольствие получишь...

– Скорый поезд Москва – Белецк отправляется с платформы номер один, – опять разнесся над путями сонный женский голос.

Проводница опустила крышку на лестницу, прикрыла дверь вагона, боком высунулась из нее, вглядываясь в дальние огни семафоров. Поезд, кряхтя металлическими сцеплениями, сдвинулся с места и поплыл мимо, постепенно увеличивая скорость.

– Пойдем, а? Водки купим! – Видимо, девица говорила это, не переставая, но ее слова целую минуту заглушал стук колес.

– Спасибо, Зоя. Как-нибудь в другой раз. – Востряков наконец резко скинул ее руку, отвернулся и медленно пошел по платформе.

– Пожалеешь! – донеслось ему вслед. То ли угроза, то ли мольба. Сразу и не разберешь.

Около раскрытых дверей вокзального помещения Востряков остановился, еще раз внимательно огляделся: несколько бомжей тихо дремали, привалившись к стене, неторопливо переговаривался, собравшись в кучку, наряд усталых ментов, на скамейке дымили сигаретами два парня и три девушки. По виду – столичные или питерские студенты. Искомых братков не было и в помине.

В зале ожидания наблюдалась сходная картина. Какой-то бродяга спал на полу, опираясь головой о чемодан; мужичок крестьянского вида читал газету; пожилая семейная пара завтракала, разложив еду прямо на сиденьях; старушка в вязаном платке тихо сидела в углу, держа на коленях огромную сумку из кожзаменителя со стершейся надписью «Олимпиада-80».

Востряков пересек здание вокзала, вышел на площадь. У дверей толкалась группа таксистов.

– Уважаемый! Куда ехать?

Отмахнувшись от назойливых водителей, Семен спустился по короткой лестнице, быстро оценил обстановку, словно в этот момент находился в рейде, на боевом задании. Как же давно это было!

Итак... Пять человек на стоянке автобуса, три – на стоянке трамвая. Ряд машин: две «Волги» с «шашечками», четыре «Москвича», «семерка», «копейка», «пятерка», еще одна «копейка», микроавтобус «Газель». Все автомобили пусты...

Ситуация становилась все более непонятной. Ну Разувай, ну скотина! Удружил! Подставил, получается? Но зачем? Чувшь какая-то. Может быть, проверяют? Смотрят сейчас из укромного места, оценивают «специалиста». Востряков еще раз окинул взглядом площадь. Невзрачные стены вокзала, коммерческие палатки в металлическом панцире, закрытые стеклянные двери кафе «Дорожное». Неоткуда наблюдать!

Да и вид у Вострякова совсем неинтеллигентный. Он напоминал сейчас скорее провинциального спортсмена, нежели столичного археолога. Высокого роста, широкоплечий, крепкий. Одет в джинсы и штормовку, за плечами – потрепанный рюкзак, на ногах – ношенные кроссовки. Скуластое лицо грубой лепки, коротко стриженные волосы, на запястье правой руки – татуировка «Семен», наследие ВДВ. Они сделали себе наколки вместе со Скарабеем, когда уезжали из Афгана. Скарабей, помнится, еще добавил к имени маленький символ – фигурку жука, медленно ползущего вверх по наклонной плоскости. А на шуточные слова Вострякова, что скарабей вообще-то навозный жук, хоть и бывший в древности священным, Юра серьезно ответил: «Ну и что? А кто мы, снайперы, по-твоему? Навозные жуки и есть. Ассенизаторы действительности. Ликвидируем всякое дерьмо». Где он сейчас, старый армейский друг? Семен не видел его уже больше десяти лет.

Иногда Вострякова принимали за бандита, особенно когда он надевал на шею толстую золотую цепочку, а на глаза – узкие темные очки. В прошлом году под Краснодаром, на каком-то маленьком рынке, где Семен вместе с одной симпатичной девицей, выделенной ему

в помощь шизофреником из Управления по охране памятников, закупал продукты для своей «черной» экспедиции, произошел забавный эпизод. Неожиданно подвалили местные братки, попросили закурить и небрежно спросили: «Ты чьих будешь?» «Археологических», – так же небрежно ответил Семен. «Чьих-чьих?» – вытаращили глаза братки. «Такая крутая команда, ребята. Подо всех копаем». Тут бы и разыгралась серьезная баталия, но положение спасла местная девица. Она мило улыбнулась «быкам» и быстро проговорила: «Мы студенты, ребята. У нас практика. Он просто шутит». Братки покосились на великовозрастного студента, но в бутылку лезть не стали. Отошли, что-то пробурчав себе под нос.

Теперь Востряков был один и шутить не собирался. Раздраженный идиотизмом сложившейся обстановки, он начал быстро прохаживаться вдоль здания вокзала, нервно курия сигарету за сигаретой.

Так прошло минут двадцать, пока прямо к ступенькам на большой скорости не подлетел черный джип «Чероки», визгливо и резко затормозив. Из кабины выскочили два коротко стриженных бугая в ветровках, зыркнули по сторонам, заметили Вострякова и, не колеблясь, направились к нему.

– Ты из Москвы?

– Да, – ответил Семен, сделав шаг навстречу.

– Как фамилия?

– Востряков.

– Садись в машину.

Бесцеремонность их обращения была вопиющей. Но сейчас не время показывать свой норов. Лучше подчиниться.

В машине было еще двое амбалов. Один сидел на месте водителя, второй, с короткой лощманской бородкой, одетый в майку, украшенную эмблемой телекомпании CNN, – в заднем левом углу.

Востряков, оказавшись рядом с «лощманом», сразу сообразил, что он здесь за старшего. Поэтому, когда джип рванул по длинной улице в сторону центра города, решил немного прояснить ситуацию:

– Хотелось бы узнать, когда мне все расскажут?

Ему никто не ответил.

– Или мы сейчас уже едем на место работ? – Востряков немного повысил голос.

Старший повернул голову, протянул для рукопожатия свою крепкую мозолистую пятерню:

– Леха. Базарить пока не о чем. Поговоришь с шефом, тебе всё разъяснят.

И тут же отвернулся в сторону, давая понять, что разговор закончен.

Востряков тоже замолчал, посчитав разумным дождаться встречи со своим таинственным работодателем.

Джип пронесся по нескольким улицам и на полных парах устремился к центру города. Через десять минут он уже тормозил перед роскошным особняком на берегу Белицы. Все вышли из машины, сделав знак Вострякову следовать за ними. Пройдя мимо охранника, Леха открыл дверь, над которой висела табличка «Фонд „Экологическая инициатива“».

У лестницы, за полированной стойкой, сидел еще один охранник.

– У себя? – спросил Леха.

– Да, но он очень занят. У него сейчас Долото и Тихон. Закрылись и целый час не выходят.

– Ясно. Будем ждать, – Леха отошел в сторону, уселся на стул, кивнул Вострякову: – Садись, москвич. В ногах правды нет.

Востряков, ничего не говоря, последовал его совету. Остальные братки потоптались на пороге и вышли на улицу.

Минут пять они просидели молча, пока не раздался сиплый перезвон сотового телефона. Леха сунул руку в карман, достал мобильник:

– Да... Что ты говоришь? И что ищут? Не может быть! Вот суки. Уже вышли! Да. Да. Я сейчас приеду. Не дергайтесь без меня. Всё...

Леха резко закрыл трубку, вскочил с места, обратился к охраннику:

– Я к себе. Там менты примчались. Тревожные дела. Антону передай, что я звякну!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.